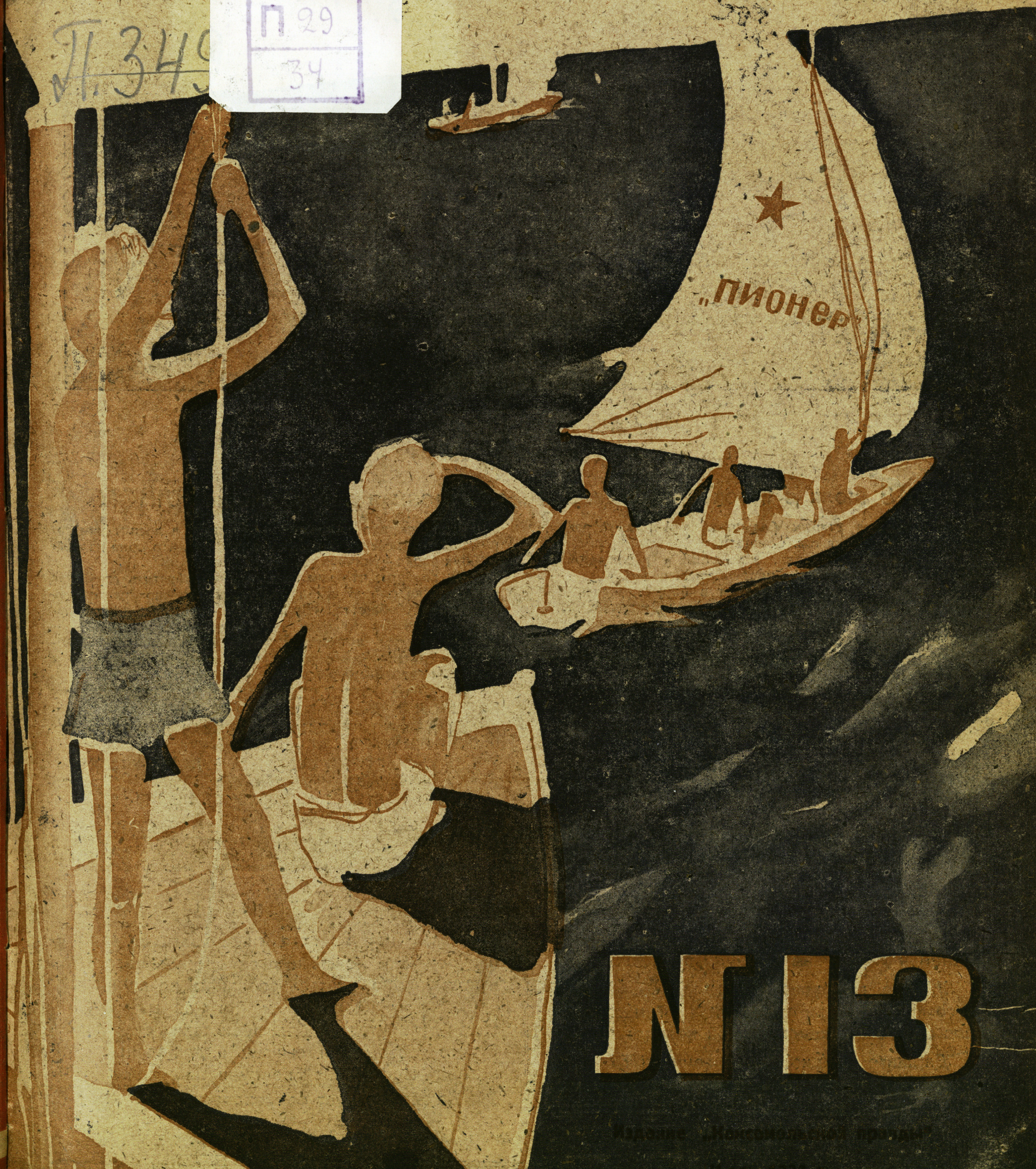
ПИОНЕР

П.349
П 29
34



№ 13

Издание Ленинградской правды

Сплоченные ряды трех поколений. Старые большевики — шефы юных пионеров.

С 1 по 8 июля в Москве заседала VII всесоюзная конференция ВЛКСМ.

От Общества старых большевиков VII конференцию ВЛКСМ приветствует тов. Семашко.

Мы, старые большевики, закаленные в революционной борьбе, берем шефство над пионерорганизацией.

Мы обязуемся помочь школам в борьбе за качество учебы, вводя в школах действительную политехнизацию.

Мы поможем поднять среди пионеров-школьников сознательную дисциплину.

Мы поможем осуществить в школах и пионеротрядах правильный отдых и физкультуру.

Мы поможем пионерам в политвоспитании, все пионеры-школьники должны знать историю революционной борьбы.

Мы поможем каждому пионеру осуществить боевой лозунг:

«ПИОНЕР — ВСЕМ ДЕТЯМ ПРИМЕР».

Тов. Семашко говорит, что к нему как к председателю Деткомиссии ВЦИК поступают жалобы из отдельных пионерских лагерей о плохом снабжении, он говорит, что Деткомиссией приняты меры наладить снабжение.

Тов. Семашко указывает на разницу в воспитании городских и деревенских ребят. Он говорит, что одна из важнейших задач—уничтожить эту разницу.

Он говорит, что комсомолу нужно обратить серьезное внимание на работу среди родителей. Нужно развернуть шире работу общества «Друг детей»—и других добровольных обществ как в городе, так и в деревне.

Мы должны добиваться, чтобы наше молодое поколение воспитывалось и росло со стальными мускулами и крепкими нервами.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СПЛОЧЕННАЯ РАБОТА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША КРЕПКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЮЗ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИРОВАЯ ПИОНЕРИЯ!

(Отчет о конференции читай в след. №).

Приветствие тов. СТАЛИНА

Привет бойцам ленинского комсомола, делегатам и делегаткам Седьмой всесоюзной!

Желаю вам успеха в деле коммунистического просвещения и организации миллионных масс рабочей и крестьянской молодежи!

Держите высоко знамя ленинского интернационализма, боритесь за мир и дружбу между народами, крепите оборону нашей страны против капиталистического нашествия, взрывайте старый мир рабства и эксплоатации, стройте и укрепляйте новый мир освобожденного труда и коммунизма, учитесь соединять во всей своей работе могучий революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери—Всесоюзной коммунистической партии!

Да здравствует комсомольское племя!

СТАЛИН

П 29
34

ПИОНЕР

боевой и старейший общественно-литературный журнал пионеров и школьников

№ 13

рьбе за рабочее дело—будь готов!

Г.П.Б. в Лнгр. Ц
О.Э. 1932 г.
Акт № 1987

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени Ленина при ЦК ВЛКСМ

Адрес редакции: Новая площадь, дом № 10

И. Р.

ДНЕВНИК? ЛЕТОПИСЬ?

Вот отрывки из лагерного дневника Сени Прохорова:

«20-е. Подняли лагерный флаг. Стояли на линейке. Было весело. У нас в лагере 150 чел., из них 120—пионеры, а остальные—октябрята.

21-е. После побудки встал.

22-е. На обед была каша с маслом. Давали прибавку. Работали всем отрядом в колхозе «Путь социализма».

23-е. Результаты состязания волейбольных команд: 1:6 и 2:8. Здорово!

Ребята! И мы, редакция журнала «Пионер», спрашиваем вас вместе с Сеней Прохоровым: здорово? Только мы не о состязаниях, а о дневнике.

Сеня прислал нам свой дневник. Редакция получает очень много таких дневников.

Все они очень скучны. Если бы напечатать целиком дневник Сени, вы бы не стали его читать. А в лагере у Сени вероятно были интересные происшествия. Только Сеня про них не написал в дневнике.

Скучно писать. Перечтешь, станет еще скучнее. А тут рядом ребята играют в волейбол.

Но есть такой дневник, который все же, несмотря ни на какие волейболы, дописывается до конца. Это—звеньевой дневник. Писать такой дневник необходимо, к концу лагерной жизни вожатый потребует его. И пишут этот дневник, как будто по наряду. Пишут например так:

«11-ое. Звено работало в колхозе «Светоч».

12-ое. В мертвый час сестра осматривала ноги и руки. У Сони Семиной были самые грязные».

К концу лагеря, перед отъездом в город, звено общими усилиями спешно пишет дневник. Быстро заполняются страницы дневниковой тетради. Но какая польза в таком дневнике? Ответим прямо—никакой. Читать его не интересно, писать его скучно, а опыта работы он не учитывает.

Давайте перепишем вместе первую фразу так, как нужно было ее написать в хорошем дневнике. Фраза эта: «звено работало в колхозе «Светоч». Представим себе сначала, где расположен колхоз, когда работало там звено, какую работу выполняло, весело или скучно было ребятам. А потом, после того как мы все это узнаем, эта фраза будет выглядеть вот как:

«11 июля (15-й лагерный день). Мы встали как всегда рано. Вожатый Миша—он дежурный по лагерю сегодня—вошел в нашу спальню и зафанфарил так громко, что звено в полном составе повскакало с топчанов. Миша сказал:

— Ну, хлопчики,—так он нас всегда называет,—ну, хлопчики, погуляли и довольно. Сегодня ваше звено в колхоз идет. Я об'явлю на линейке.

Мы быстро оделись и, позавтракав, пошли в колхоз. Дорога от лагеря до колхоза идет все время лесом, и только перед самой деревней начинаются поля. Лес в этих местах смешанный—тополь и сосна. В лесу дорога хорошая, гладкая и босиком по ней итти очень приятно. Когда мы вышли из лагеря, наш звеньевой, он же общебазовый барабанщик, Митя Тимошков начал выбивать «старого барабанщика», но потом перестал и мы пошли так, без музыки. Солнце стояло высоко.

В колхозе нас встретил тов. Кораблев, председатель, бывший партизан гражданской войны. Он послал нас работать в яслях. Там, в большой новой избе было чисто и просторно. Маленькие кроватки стояли в несколько рядов. Младенцев в яслях было много, 30, а медицинских сестер только 3, и для каждого из нас нашлась работа. Митя положил барабан, надел халат и начал пеленать черноглазого мальчишку, а Петя и Варя кипятили для него молоко».

Какое описание интереснее? Какое больше дает? Что интереснее читать?

Но описывать все подробно—тоже скучно. Поэтому для дневника нужно выбирать только самые интересные события. Только те, которые случились сегодня и уже завтра не повторятся.

Дневники нам очень нужны. Хорошей книжки о пионерах у нас еще нет. Хорошие книжки «Икатели мозолей» В. Грязнова и «Санитарки» Л. Будогской. Последняя книжка—лучшая. Она рассказывает про звено санитаров.

У нас в Советском союзе 6 миллионов пионеров, а книг специально про них штук 6, не больше. Это неправильно. Происходит это вот почему. Писатели не знают пионеров. А раз писатели не знают их и не умеют про них написать, значит сами ребята должны за них это сделать. Но написать хорошую книгу может быть даже труднее, чем построить новый завод. Хорошая книга—это всегда открытие, изобретение. А раз так, значит это—большая и сложная работа.

Пионерский лагерный дневник—это материал для настоящей и интересной книги.

Пионерский дневник—это лучший способ учета лагерной работы.

Ребята, пишите дневники!

Присылайте названия, дневники, летописи!

Пишите про лагерь! Ждем! Письма и дневники можно присылать без марок! Разрешается!

Учатся метко стрелять

Толькина рота

Рассказ ДОРОХОВА

Рисунки В. ГОРЯЕВА и В. ДЕОПИК

Рота создаваться стала не сразу. Самым старшим в ней был двенадцатилетний Толька Любимов.

Вовка Никитин предложил назвать роту просто «молодежной», Толька запротестовал. Недавно он услыхал от отца, что лучшие стрелки—это команда снайперов. И Толька решил, что их рота должна называться «ротой снайперов». Вовка по характеру был более мягок, чем Толька, и уступил без особых возражений.

Следующим вопросом, возбудившим горячие споры, был вопрос о том, принимать ли в роту девочек.

— Вот еще!—важно надув губы, сказал пузатый коротыш Левка Крупицын — чего мы с девчонками делать будем?

Левку поддержал еще кто-то из ребят. Вовка горячо высказался за принятие девочек. Надо правду сказать, Вовка сам больше походил на девочку и чаще предпочитал играть с ними, чем с ребятами.

— Не связывались еще с девчонками,—опять возразил Левка,—они будут только мешать, не вынесут походной жизни.

Левка был вооружен с головы до ног. На правом боку висел в новенькой кобуре пугач, слева болтались две гранаты. Мальчик всерьез верил, что его гранаты, мастерски выструганные папой из березовых чурок, лучше настоящих— ну во всяком случае очень, очень похожи на настоящие. К огорчению Левки некоторые девочки оспаривали это.

— Девочки пригодятся, — сказал Игорь и снисходительно улыбнулся.— Кашу будут варить.

— Сам ты кашу вари,—огрызнулась Веруська.—Кому достанется быть кашеваром, тот и будет варить.

Толька молча слушал. Ему давно хотелось вступить с ребятами в перебранку, даже смазать кого-нибудь по зубам, но он сдерживался, твердо помня, что командир роты обязан быть хоть и строгим, но сдержанным и справедливым. Толькин язык так и норовил затрепаться. Юный комрот крепко закусывал губы и терпел.

Теперь все смотрели на него и ждали, что скажет комрот.

Толька оглядел ребят лукаво прищуренными глазами.

— Ну-ка, Маруська, поборись с Петькой.

Толька нарочно назвал самую крепкую девчонку и самого слабого из ребят.

Петька надулся, как мыльный пузырь.

— Буду я с девчонкой бороться, чего ей надо,—сказал он заносчиво.

— Поборись, поборись!—настойчиво потребовала рота.

Маруське дали ремень. Она туго подтянула животишко.

— Ну ты, герой, держись!

Петька почувствовал на своем поясе сильные маруськины руки и, оттопырив большой палец, крепко упер его Маруське в бок.

Девочка рассердилась на петькину каверзу, ловко дала ему подножку, и петушившийся Петька растянулся на земле.

Ребятишки захлопали:

— Ловко, Маруська, молодец!

— Да, она подножку дала,—оправдывался сконфуженный Петька, поднимаясь с земли.

— А ты зачем меня в бок пальцем?

— Ша!—сурово остановил перебранивающихся ребят комрот Толька.—Товарищи, возражений нет против принятия девочек в роту?

— Нет!—разом отозвались все девочки.

Их поддержало несколько ребят. Остальные молчали, хмуро переглядываясь друг с другом.

— Это что, подножку-то,—никак не мог успокоиться Петька.—Давай наперегонки, меня ни одна девчонка не перегонит,—сказал он хвастливо.

Петька был отличным бегуном, легко взбирался на любой забор, как белка, лазал на самые высокие деревья. Мать так и говорила:

— Ой, Петька, сорвешься ты где-нибудь, сломишь себе голову.

Толька-комрот усмехнулся.

— Что ж, попробуем и бег. Ну-ка ты, Лева Крупицын, и ты, Веруська, бегите!

Толька опять схитрил: выбрал самого плохого бегуна—увальня-Левку —и лихую бегунью Веруську.

Плутоватая лисья мордочка Веруськи засветилась улыбкой. Лева встал рядом с девочкой и недовольно сказал:

— Не бегал я еще с девчонкой.

— Смотри, раньше команды не беги,—предупредил строго Толька,—вон до березы и обратно. Ну, готовсь. Раз... Два... Три!

Вихрем сорвалась Веруська с места, только голые загорелые икры сверкают. Лева далеко отстал.

Веруську встретили громкими криками, Леву—шутками. Особенно старались девочки.

Лева сконфуженно оправдывался:

— Да, у меня гранаты за поясом да револьвер, в них двадцать килограммов весу!

— Ой, Лева,—всхлопнула загорелыми ладошками смешливая Маруська,—как бы тридцать не набралось в твоих березовых чурках.

— Я тебя и без гранат обгоню,—бахвалилась Веруська, блестя бойкими глазенками.

Левка все еще не хотел сдаваться.

— Я еще две тарелки супу за обедом с'ел!

Левка приврал—мать с трудом заставила его с'есть одну тарелку супу.

Толька призвал к порядку свою разбушевавшуюся роту и подчеркнуто сказал:

— Товарищи, я думаю, в нашей роте снайперов нет больше левацких загибов. Девочки—такие же граждане, как и мы, и вместе с нами вполне могут защищать Советский союз.

— Конечно!—горячо и дружно подхватили девочки.

— Не возражаю,—басом сказал Петька.

Вопрос был решен единогласно: девочки принимались в роту на одинаковых правах с мальчиками.

Ребята пропадали целыми днями. Прежде звонкий городок в лесу за лагерем, где жили семьи комсостава, теперь затих.

Однажды толина мать спросила:

— Куда ты все пропадаешь?

— Так,—уклончиво ответил Толька.

— То-есть как это «так»? Скоро в школу ходить, заниматься надо, а ты где-то целыми днями бегаешь.

Толя, прожевывая творог, важно и даже несколько таинственно сказал:

— Сейчас не до школы.

Мать улыбнулась чрезмерной серьезности сынишки:

— Как это «не до школы»? Чем же ты занят?

Толя не ответил. У него совсем другим забита голова. В отряде опять буза. Ребята кое-как достали фуражки военного образца: у кого своя была сшита, кто взял старую отцовскую. Петька с Мишкой к своим кепкам прицепили красные звезды, и это в конце концов не плохо. Что ж делать, раз они еще не могут получать обмундирование у каптера. Вот как быть с девчонками? Некоторые ребята прямо заявили, что если у девочек не будет фуражек, то в отряд их не примут. А кто им даст фуражки?

Толька даже вздохнул: как тяжело быть комротом!

С некоторыми наиболее сознательными ребятами из пионерорганизации Толя решил, что девочки могут быть и в красных косынках. Правда, был еще выход: прикрепить на рукава девочкам повязки с красным крестом, но девочки энергично запротестовали.

— Мы хотим драться с оружием в руках против социал-фашистов и мирового капитализма!

— Теперь уже нет Красного креста,—солидно заметила Веруська,—есть сестры РОКК, и они так же носят красноармейскую форму, только у них петлички зеленые.

Как после этого отказать девочкам? Верно, они имеют такое же право бить буржуев и социал-фашистов, как и ребята, значит, имеют право носить одинаковую с ними форму... Сегодня все это надо провести на собрании роты, чтоб больше никакой бузы не было...

Комрот наскоро проглотил последнюю ложку творогу.

— Мне некогда!—крикнул он уже набегу.

Ребята охотно поддержали толькино предложение.

Некоторым нравилось, что хоть фуражками они будут отличаться от девочек. Петька хотел было слегка побузить—комрот сурово остановил:

— Ша, Петька, красная косынка тоже страшна нашим врагам!

Спор был улажен.

Сегодня с раннего утра все детишки старше восьмилетнего возраста исчезли из лагерного городка.

Первой забеспокоилась левина мать—тетя Лиза. Побежала к толиной матери.

— У вас нет моего Левки? Я даже не заметила, когда он исчез: сели чай пить, хватились —а его нет.

— Мой Толька тоже куда-то пропал.

Не успели женщины поахать, прибежала взволнованная веруськина мать.

— У меня Веруська пропала. Весь лес обегала, нигде нет, словно сквозь землю провалилась.

Бежали маруськина мать, вовкина мать, петькина мать. Все очень тревожились о детях.

Толина мать первая сообразила:

— Беспокоиться не о чем. Раз всех нет, значит ребята отправились куда-нибудь организованно.

— Может они пошли землянику собирать?—предположила веруськина мать.

— Да нет, вряд ли, Толя взял бы котелок, он всегда за ягодой с котелком ходит.

Решили подождать до обеда и, если ребята не явятся к обеду, итти разыскивать всем.

К обеду никто из детей не явился. Матери не знали, что и думать.

В этот день дивизия проводила маневры. Командир дивизии Степан Адрианович Калинин с группой посредников направлялся в южное расположение дивизии. Ехали верхами. Сзади метрах в двухстах шел автомобиль комдива.

Под'ехали к лесу.

— Пройдемтесь пешком,—предложил комдив.

Всадники спешились и передали коней ординарцам. Калинин снял фуражку, потер разгоряченный потный лоб и только было шагнул на лесную опушку, как из кустов раздался звонкий и, казалось, испуганный голос:

— Стой! Кто идет?

Из лесу в полной красноармейской форме выскочил малыш и взял деревянное ружье на изготовку.

Все от неожиданности остановились.

— Я командир дивизии, товарищ, — с улыбкой сказал Степан Адрианович.

— Пароль? — нахмурился малыш. Петька—это был он—прекрасно знал не только комдива, но и всех сопровождавших его, но сейчас никаких комдивов ему знать не полагалось: он стоит на посту, у него единственный начальник — комрот Толька Любимов.

Калинин виновато развел руками:

— Пароля я, товарищ, не знаю.

— Кругом! — грозно скомандовал Петька, наставляя штык (заостренный конец палки) на группу.

Коноплев—начоперод—небольшой сухонький человек, всегда желавший казаться на вершок больше, чем он был на самом деле, хотел было сделать Петьке выговор, Степан Адрианович остановил его глазами.

Маруська ловко дала подножку, Петька растянулся на земле

— Придется обойти,—с улыбкой сказал Калинин.

Коноплев повиновался, но, уходя, бросил на храброго маленького красноармейца не совсем дружелюбный взгляд. Начоперод находил неуместным присутствие на маневрах детишек. Все улыбаясь последовали за комдивом.

Пройдя опушкой шагов тридцать, комдив опять свернул в лес.

Из кустов тотчас же высунулось сначала деревянное ружье, потом нахлобученная на самые глаза красноармейская фуражка, потом весь боец. За поясом у него торчал револьвер, с другого бока болтались две громадные гранаты.

— Стой! Пароль?

Мальчик так громко крикнул, что даже сам испугался.

Крупицын узнал сынишку.

— Левка!—с изумлением вскрикнул он и засмеялся, но, встретив осуждающий взгляд начоперода Коноплева, Крупицын сконфуженно замолчал. Действительно, как отнесется комдив к этой неуместной шутке? Не достанется ли ему от Степана Адриановича за глупую левкину выходку?

— Товарищ, я командир дивизии, вы меня знаете?—сдерживая улыбку, спросил Калинин, обращаясь к Левке.

Левка покосился на отца и сердито сказал:

— Я не знаю никаких комдивов. Пароль!

Крупицын подошел к комдиву:

— Товарищ командир дивизии, разрешите переговорить с сорванцом, это—мой Левка.

— Я знаю,—улыбнулся Степан Адрианович, действительно знавший всех ребят в лагерях.—Хорошо, переговорите, только без отцовской строгости.

Крупицын остановился в двух шагах от сына.

— Левка, это товарищ Калинин, командир дивизии. Ты должен нас пропустить, и тебе ничего от твоего начальника не будет.

Левка неодобрительно и хмуро посмотрел на отца—и чего бузу порет? Разве не понимает, что кроме ближайшего начальника Левка никого слушать не может?

Мальчик тряхнул головой, чтобы поправить налезавшую ему на глаза отцовскую фуражку, исподлобья взглянул на отца, потом на комдива. Всыплет ему теперь отец. Но дисциплина прежде всего. «И нечего бузить, сам должен понимать»—подумал Левка про отца.

— Пароль!—мрачно буркнул Левка и взялся за ручку гранаты: пусть только попробует сунуться.

— Ничего не поделаешь, товарищ исполняет свои обязанности правильно,—сказал Степан Адрианович серьезно.

— Давайте, поищем другого прохода,

Крупицын хотел было мимоходом ухватить Левку за ухо—малыш отшатнулся, выхватил из-за пояса гранату и, подавляя страх, грозно крикнул:

— Кругом!

Комдив оглянулся, заметил намерение Крупицына и сухо сказал:

— Оставьте, товарищ Крупицын. — Отойдя несколько шагов, проговорил, обращаясь ко всем:—Малыши выдумали хорошую игру и выполняют свое дело вполне добросовестно.

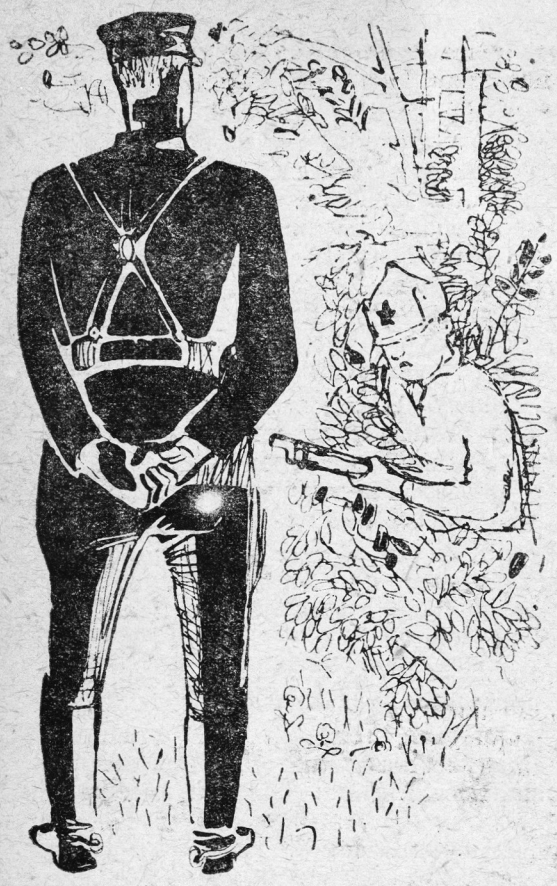
Калинин был уверен, что в нескольких шагах они опять встретят такого же стойкого бойца. Он догадывался, что ребята расставили вдоль опушки охранение. И нисколько не удивился, когда, повернув в лес, Степан Адрианович прямо против себя увидал ощетинившегося ружьем собственного сынишку.

Комдив знал, что тут никакие разговоры не помогут: мальчик к принятым на себя обязанностям всегда относился прекрасно.

— Товарищ,—сказал комдив,—вызовите вашего начальника.

Мишка всунул в рот два пальца и пронзительно свистнул. Толька, сидевший на верхушке огромной березы, уже заметил группу людей, вскоре распознал среди них и комдива, и отца, и левкиного отца и всех других. Быстро спустился с дерева.

Игра превращалась в настоящее большое дело



Стой! Кто идет?

Вот в кустах затрещали ветки под толькиными шагами. Запыхавшись, Толька выскочил на опушку, взял под козырек и звонко отчеканил:

— Товарищ командир дивизии, рота снайперов энской стрелковой дивизии проводит боевую подготовку!

Калинин, державший фуражку в руках, надел ее и также взял под козырек. Серьезное лицо Степана Адриановича ни малейшим движением не выдало его отношения ко всей этой истории.

Комдив подал юному комроту руку:

— Здравствуйте, товарищ командир роты!

Начподив Любимов, толькин отец, отвернулся, улыбаясь в колючие рыжие усы. Даже суховатый начоперод Коноплев выдавил на своем лице подобие улыбки.

— Созовите вашу роту,—приказал комдив.

Толька поднес к губам висевший у него на ремешке свисток, и по лесу рассыпалась звонкая трель. Отовсюду, как мыши, выскакивали ребята. Замелькали красные платочки вперемежку с фуражками. Многие увидали своих детишек.

— Смотрите, и моя Веруська здесь! Ну, погоди, мать тебе всыплет, вернешься домой!..

Рота быстро выстроилась.

— Здравствуйте, товарищи!—поздоровался комдив.

Ребята дружно в один голос ответили:

— Здравствуйте!

Лица юных снайперов сияли. Игра превращалась в настоящее большое дело. С ними здоровается сам комдив, сам товарищ Калинин!

— Я должен вам сказать, что отдельные товарищи вашей роты прекрасно знают свое дело. Они вели себя на постах так, как и следует вести себя настоящему бойцу. Надеюсь, что и все остальные товарищи так же хорошо знают свои обязанности. В вашем лице подрастает надежная смена бойцам. Спасибо за службу!

Как дружно, как весело ответили ребята:

— Служим трудовому народу!

— Вольно.

Мальчишки побросали свои ружья, сразу превратившиеся в ненужные палки, и кинулись к отцам. Большинство окружило командира дивизии—его любили все ребятишки.

Комдив первым опустился наземь, его примеру последовали и другие. Дети, перебивая друг друга, рассказывали о своих впечатлениях.

Миша нагнулся к уху отца:

— Папа, скажи товарищам командирам, чтобы никто дома ребят пальцем не тронул.

Степан Адрианович незаметно других подмигнул сынишке.

— Ну, ребятишки, кто хочет поехать домой на машине?—предложил комдив, поднимаясь.

Надя запросилась первая:

— Я поеду, а то меня тетя Дора ругать будет...

Толька был недоволен, что его рота может рассыпаться.

— Ну уж твоя тетя Дора...

— Да, вы не знаете, какая она злая, она всегда ябедничает про меня брату Сереже.

Взрослые улыбнулись. Дору Борисовну не любил никто.

После короткого совещания было решено, что все восемь девочек отправятся домой на машине. Мальчики оставались продолжать игру.

Вечером Толькина рота возвращалась в лагерь вместе с дивизией и под веселые звуки марша дружно отбивала шаг:

— Ать, два!

Вечером Толькина рота возвращалась в лагерь вместе с дивизией

М. ГЕРШЕНЗОН

МНЕ— ОДИН ГОД

О журнале американских ребят „Пионер"

«Мне—один год! Я много успел повоевать за это время, а в будущем году придется воевать еще сильнее, потому что наступают жестокие бои! Я сражался в рядах горняков, в забастовочных пикетах Пенсильвании, Огайо и Кентукки. Я участвовал в голодном походе на Вашингтон и в десятках других голодных походов. Я полез в самую драку, когда посадили в тюрьму девять негритянских ребят. В кровавый понедельник, когда охранники Форда встретили безработных пулеметным огнем, я грудью наступал на врага.

Мне—уже год. Я участвовал во всех забастовках, когда ребята боролись за бесплатную пищу и одежду. Чуть где-нибудь собиралась демонстрация в защиту Советского союза, я всегда был тут как тут».

Это говорит журнал американских пионеров «Новый пионер». Первый номер его вышел в мае прошлого года. Он справляет свое рождение. Он живет всего один год, но за этот год он сделал много дела. И сейчас он совсем не для того рассказывает о своих победах, чтобы его погладили по головке. Он затем вспомнил о своих победах, чтобы американские пионеры помогли ему в новых битвах и в новых сражениях.

Он говорит:

«Ребята, вы должны помочь мне! Мне стало трудно укладываться в 24 страницы. Я похож на мальчишку, который вырос из своей куртки, или на девчонку, которой стала коротка юбка. Мне нужно больше места, чтобы я был еще лучшим борцом за дело рабочего класса.

Мой хозяин не Форд и не Ротшильд. Я—ваш, ребята! Вы должны мне помочь. Помогите мне вырасти, а я помогу вам драться!»

Этот призыв напечатан в апрельском номере «Нового пионера». Наши ребята не знакомы с американским журналом.

Возьмем двенадцать номеров «Нового пионера» и перелистаем их.

«У нас в штате Кентукки горняки добывают уголь глубоко под землей. Они каждый день рискуют жизнью и работают по 10, по 12 часов в день. Работа трудна. Иногда работаешь, согнувшись в три погибели, иногда весь день стоишь в воде; часто шахтеры падают в обморок, потому что в шахте—тяжелый, удушливый воздух. А заработок очень мал. Когда шахтеры возвращаются домой в свои жалкие бараки, все, что у них есть на ужин,—это картошка и горох. Для больного ребенка нет молока. Дети не могут ходить в школу, потому что у них нет ни обуви, ни одежды.

Горняки говорят: «Так нельзя жить! Мы должны что-то сделать, чтобы у нас была пища и одежда для наших жен и детей».

Прошлым летом часть горняков Кентукки собралась на с'езд Национального союза горняков в городе Питсбурге. Они сказали: «Мы должны укрепить наш союз и устроить забастовку против голода». И они забастовали. В каждой шахте горняки организовали свой союзный комитет. И женщины и дети записывались в союз. И вот 18 января тысячи горняков забастовали. Тут заиграл кукольный театр. Представьте себе, что каждая газета в Кентукки—это маленькая деревянная кукла. Вместо всех церквей на сцене другая кукла. Судьи, полицейские, охранники, сторожа—это тоже куклы, К каждой кукле привязана нитка. А толстый большой хозяин кукольного театра—это хозяин, владелец шахты.

Когда хозяин кукольного театра услышал голоса горняков:

— Не хотим голодать!

— Довольно!

— Давайте бастовать!

— Организуйте союзы! Бастуйте!

— он стал красным от злости. И он дернул за одну из ниточек.

Сейчас же застучали пишущие машинки, загудели ротации в типографии, все газеты в Кентукки подняли крик:

«Горняки в Кентукки — это русские большевики! Они хотят отобрать у богатых их богатства! Их нужно выгнать, арестовать, убить!»

Потом он дернул за другую нитку.

И со всех церквей в Кентукки зашипели, заскрипели голоса деревянных кукол, одетых попами:

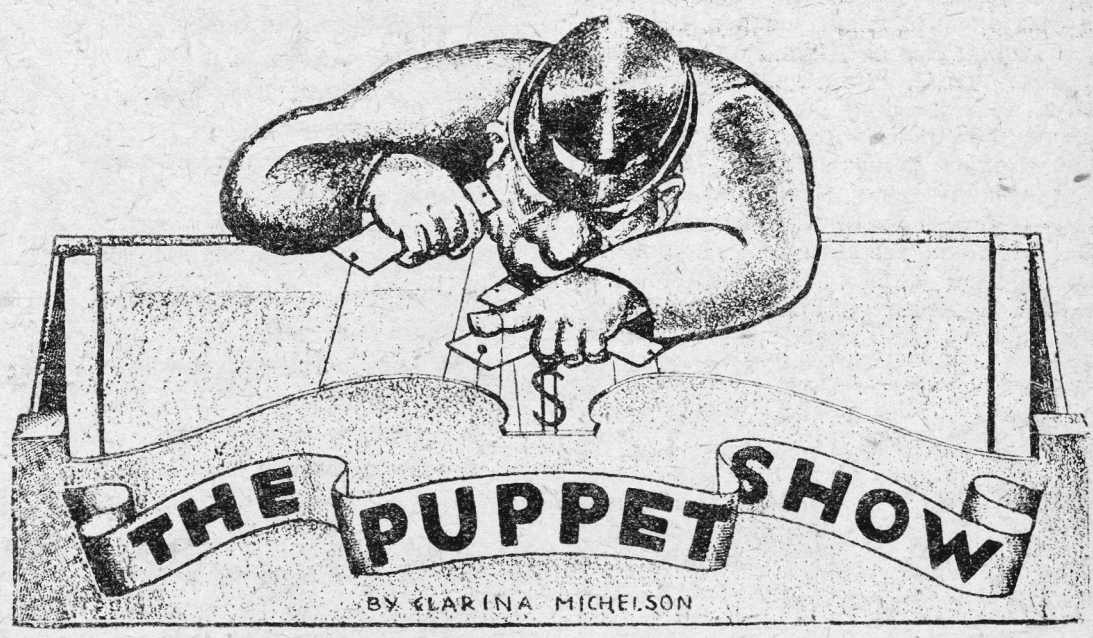
«В нашу тихую страну пробрались смутьяны—агитаторы. Они нарушили покой горняков. В наш дом вползла змея коммунизма. Коммунисты хотят разрушить наши церкви, где нам так сладко живется. Они говорят, что нет бога. Наши горняки жили спокойно и были счастливы. Никто не требовал большой платы. Это все проклятые иностранцы. Их нужно выгнать, арестовать, убить!»

Тогда хозяин потянул за другие нитки, и на сцену вышли полицейские, охранники, бандиты с пулеметами и скорострельными ружьями. Они окружили собрания горняков.

«Никаких собраний! Никаких речей! Мы приехали расстреливать женщин и детей. Каждый, кто скажет слово в защиту Национального союза горняков или Международной рабочей помощи, будет немедленно выгнан, арестован, убит!»

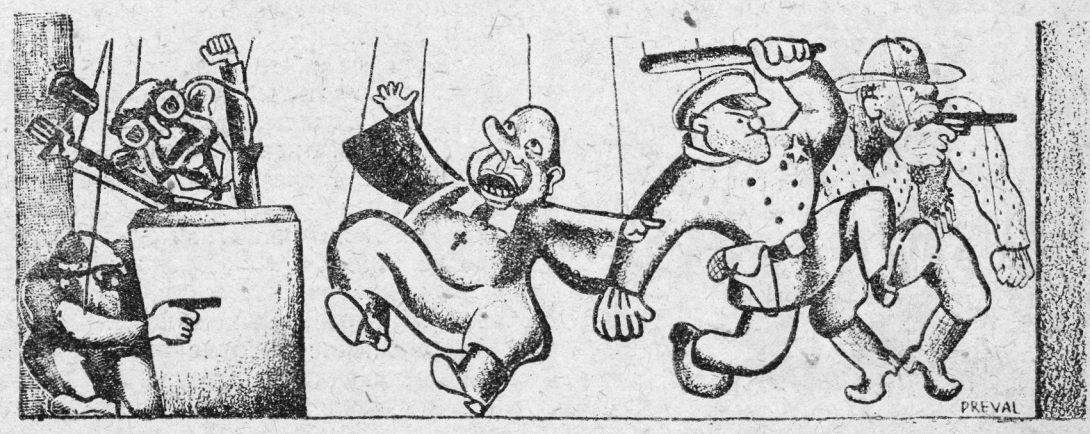
Тут хозяин дернул за нитку и каждый судья в Кентукки кивнул головой:

«Да, мы должны охранять собственность. Мы должны охранять наши доходы. Для красных у нас найдутся пули и электрический стул. Виновен. Виновен.



Кукольный театр

Представьте себе, что каждая газета в Кентукки — это маленькая деревянная кукла. Вместо всех церквей—другая кукла. Судьи, полицейские, охранники, сторожа — это тоже куклы. К каждой кукле привязана нитка. А хозяин кукольного театра — владелец шахт



Виновен. Да бросьте их всех в тюрьму! На 21 год».

Горняки посмотрели на это представление и сказали:

«Ну, что ж! Если тот, кто организует союзы и забастовки и борется против голода и угнетения—большевик, то мы конечно большевики».

Они задумались над кукольным спектаклем и поняли, что есть на свете два сорта людей. С одной стороны стоят рабочие, их жены и дети. С другой стороны—хозяева угольных шахт, фабриканты и все остальные капиталисты вместе со своими судьями, попами, полицейскими.

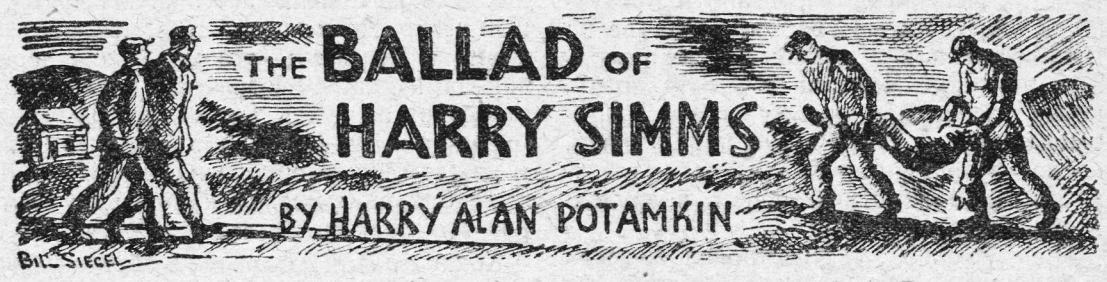
И когда это хорошенько поймем мы, все рабочие, мы дадим этому кукольному театру и его хозяину, господину капиталисту, такого пинка, что они косточек не соберут. И все станет наше, и мы сами станем хозяевами нашей страны, как стали трудящиеся в Советском союзе.

Вот что рассказывает американским ребятам журнал «Новый пионер». Американские пионеры читают в своем журнале про голод и безработицу, про забастовки горняков и текстильщиков, про то, как работают коммунистическая партия и комсомол Америки. Тут не только статьи. Тут много интересных рассказов. Вот рассказ про Сакко и Ванцетти, которых казнили на электрическом стуле за то, что они боролись против капиталистов. Вот повесть про Джона Рида. Это был очень смелый человек. Его любил товарищ Ленин. Джон Рид как только узнал, что в России началась революция, приехал сюда из Америки и отправился на фронт воевать вместе с красной гвардией против белых. Он написал про нашу революцию прекрасную книгу—«Десять дней, которые потрясли мир». И поехал в Америку, ездил по всем городам и рассказывал рабочим о том, как победили в России большевики. В каждом городе его за это сажали в тюрьму. Потом он опять вернулся к нам и здесь умер. Его похоронили на Красной площади под кремлевской стеной. На камне над его могилой высечены слова:

ДЖОН РИД
Делегат III Интернационала
1920 г.

Рассказ про Джона Рида—очень хороший рассказ. А вот рассказ про девять безработных негров—молодых ребят, которые сидят в американской тюрьме в камере смертников. В камере нет двери, а только решетка. За решеткой стоит электрический стул, на нем время от времени казнят кого-нибудь из рабочих. И девять молодых негров знают, что скоро придет их очередь, и капиталисты сожгут их на этом же стуле.

В другом номере журнала американские пионеры читают про комсомольца Гарри Симса, который недавно еще был пионером. Его убили в Кентукки за то, что он боролся с хозяевами угольных шахт. В журнале «Пионер» про него написана хорошая песня:



Баллада о Гарри Симс

В холодный зимний день он пал
От вражеской руки.
Любили крепко паренька
Седые горняки.
Пустился Гарри утром в путь,
Он шел к Густым Кустам.
С хорошей речью он спешил
На митинг к горнякам.
Идет по шпалам Гарри Симс,
А с ним товарищ Грин.
— Постой, я слышу стук колес,—
Заметил вдруг один.
Дрезина мчится по путям,
Они сошли со шпал.
Дрезина стала. Выстрел, крик, —
И Гарри Симс упал.
Рокфеллер нанял двух убийц, —
И вот готово дело.
В наручниках товарищ Грин,
И пуля просвистела.

Не сразу умер Гарри Симс,
За часом час хлестала
На землю молодая кровь,
И вот его не стало.
Остыло сердце навсегда,
И красной стала слякоть.
Ты умер, наш хороший друг,
Но мы не станем плакать.
Твоею кровью, Гарри Симс,
Пылает наше знамя.
Мы в каждой шахте разожжем
Твое, товарищ, пламя!

Мы требуем мяса, молока, хлеба!!!...

Всякому понятно, что журнал «Новый пионер» читают **рабочие** ребята.

Недавно в городе Тампе в штате Флорида судили тринадцатилетнего мальчугана Веспера Ромеро. Веспер устроил забастовку в школе, и ребята присоединились к своим отцам—забастовщикам с табачных фабрик. На суде Веспера спросили:

— Это правда, что ты продаешь ребятам журнал «Новый пионер» и газету «Дейли уоркер»?

— Правда.

— Если ты обещаешь ходить в церковь и продавать вместо «Пионера» бойскаутские журналы, мы тебя освободим.

Но Веспер Ромеро заявил:

— Бойскаутские журналы продавайте вы, капиталисты. А я буду продавать только наш журнал «Пионер». И в церковь не пойду.

Судья приговорил его к году заключения в исправительном доме.

Американские рабочие ребята любят свой журнал, дерутся за него и с полицией и учителями. Они не только читают «Пионер», они пишут в свой журнал про свою жизнь.

«Я—девочка, мне 10 лет,—пишет пионерка из Огайо.—На-днях в школе во время урока географии учительница велела одному мальчику рассказать про Россию.

Мальчик сказал:

— Этим летом мы с папой уедем в Россию.

— Почему это вы поедете в Россию?—спросила учительница.

— Потому что там рабочим хорошо живется, и у всех есть работа. А тут мы голодаем.

— В Советском союзе очень плохо,—сказала учительница.

Тогда я вытащила из сумки номер журнала «СССР на стройке». И все ребята смотрели этот журнал, покамест учительница не выгнала меня из класса».

А это письмо написал Вальтер Стенрос из города, который называется Севастополем. В Америке есть много городов с русскими названиями.

«Я жил летом в пионерском лагере. Утром мы пели пионерские песни, вели беседы. Потом занимались, обедали, зажигали костер. Один раз мы отправились гулять на Фельтонские Поля. Мы хотели поплавать в пруду. Заплатили по десять центов за билет и уже начали раздеваться. Вдруг хозяин пруда заметил, что среди нас есть двое негров. Он сказал:

— Черным нельзя купаться в моем пруду.

Тогда мы потребовали назад свои деньги и ушли, потому что мы—пионеры, у нас нет разницы между белыми и черными, мы все—рабочие ребята и должны стоять друг за друга».

Ребята рассказывают в своих письмах, как они участвуют в забастовках, в стычках с полицией, как собирают деньги и обувь для голодных походов.

Один рассказывает, как устроить змей для демонстрации. Демонстрация идет, а над ней летит змей. А на змее нарисована рожа капиталиста. Ребята пишут на бумажках большими буквами: «Долой! Долой!» и посылают эти телеграммы вверх по нитке капиталисту, который нарисован на змее.

А некоторые присылают в журнал свои рисунки и стихи. Вот очень хорошее стихотворение Альберта Олли:

Хотел бы я знать, когда Ленину было десять,
Всегда он причесывался и чистил башмаки?
Всегда ли тихо затворял за собой двери?
Или он, как мы, говорил: «Ну еще минутку»,—
Когда его мама посылала спать?
На картинке он большой и высокий,
Сильный такой.
Неужели он был небольшого роста,
Когда вел большевиков в бой?

Лучшие пролетарские художники Америки дают свои рисунки для журнала «Новый пионер». Мы помещаем здесь несколько таких рисунков.

Американским ребятам очень интересно, как живут дети в Советском союзе.

Ребята! Кто из вас хочет быть корреспондентом американского журнала «Новый пионер»?

Это очень просто.

Напишите большое подробное письмо про свой отряд, про свою школу, про свой завод или колхоз. Положите это письмо в конверт, напишите на конверте адрес: «Москва, Новая площадь, 10, редакция «Пионера».

Мы получим ваше письмо, переведем его на английский язык и пошлем вместе с вашим письмом и вашими рисунками в Америку в редакцию журнала «Новый пионер». «Новый пионер» напечатает ваши письма и пришлет нам номер журнала. А мы тогда расскажем про новых корреспондентов журнала «Новый пионер» и дадим ответы американских ребят. Посылайте письма без марок. Первую пачку писем мы хотим отправить в Америку не позже первого августа.

Обложки американского

журнала „Пионер"

ЛАГЕРНАЯ

Зе речкою, за быстрою—
Пылай, костер!
Сверкающими брызгами
Лети в простор.

Веселей лейся,
Каждый звук—
Молодую песню
Слушай, луг!

Из лагеря зеленого,
Что лег в садах,
Мы шумною колонною
Пришли сюда.

Целый день у речки,
Голышом,—
Закалились плечи
Хорошо.

И рощами и склонами
Прошли не раз.
Мы дышим грудью полною
Здесь каждый час.

Детям пятилетки—
Первый труд:
Ходим на разведки
Трав и руд.

Вокруг немало кроется
Больших богатств.
И мы идем на поиски—
Наш зорок глаз.

Помогай Союзу,
Мал и стар—
Дорог каждый узел,
Каждый удар!

А. ПРИШЕЛЕЦ

На Западе все „отлично“

Очерк ЭЛЬВИНА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

У мистера Вильбурга—упрощенный взгляд на вещи. Мистер Вильбург выступал недавно на какой-то благотворительной конференции в Филадельфии. Филадельфия — один из самых крупных портовых городов Соединенных штатов. А мистер Вильбург — это не мелочь: это—министр внутренних дел этой страны. Ему надлежит ведать помощью безработным и вообще заботиться о гражданах. Но мистеру Вильбургу вредно волноваться, и он находит, что в сущности все «Олрайт!» (отлично). Вот что сказал на конференции мистер министр.

— Ныне, в условиях упадка хозяйственной активности (по-нашему просто кризиса. — И. Э.), положение детей оказывается значительно лучшим, нежели прежде. В самом деле, благодаря наличию очень большого количества свободного времени, вызванному безработицей, родители имеют возможность уделять своим детям значительно больше внимания.

А другой — мистер Джемс Хэптон Мур, мэр города Филадельфии, тут же поддакнул его высокопревосходительству, господину министру.

— У нас в Филадельфии вообще не наблюдается явление, которое зовется голоданием населения.

Какое замечательное «новое открытие» Америки — не знающая голода, благополучная, ухаживающая за своими детьми Америка.

...и сын министра-фашиста всегда доносит учителю

Незадачливые Колумбы! Им сумела бы хорошо ответить Эдит Швейцер, школьница одной из школ города Филадельфии.

Она например ткнула бы им в нос заметку из местной газеты, правда напечатанную малюсенькими буквами, на задворках, как факт, не имеющий никакого значения!

«Госпожа Гинц, 28 лет, покончила с собой и с тремя своими детьми в то время, как ее муж в течение долгого времени искал работы, не находя ее. Вот имена ее трех детей: Джон—5 лет, Дуглас — 3 лет, Ирена — 8 мес. Случилось это происшествие в пятницу 20 мая 1932 г.».

Затем Эдит Швейцер могла бы сослаться на одного работника Межрабпома, который обследовал 78 квартир одного из западных районов Филадельфии, при чем в 38 квартирах не оказалось ни одного жильца, который имел бы какую-нибудь работу. Семьи в 6—8 чел. жили на 5 долл. в неделю, выдаваемых местным благотворительным заведением.

Этот же товарищ видел в Южной Филадельфии, где нужда еще больше, детей 6, 7 или 10 лет, которые занимались тем, что собирали на свалке обрывки бумаги и тряпья, за которое они получают на бумажных фабриках жалкие гроши, чтобы как-нибудь поддержать себя и своих безработных родителей.

О да, Эдит Швейцер могла бы рассказать еще многое этим новым «Колумбам», если бы... те сами не знали всего этого, хотя притворяются, будто все «Олрайт!»

Притворяются же они для того, чтобы обмануть массы, убедить их потуже затянуть кушаки и, положившись на бога и мудрых капиталистов, безропотно голодать.

Вот что пишет товарищ Эдит:

«Я хочу рассказать вам о том, что случилось у нас в школе.

Несколько дней назад шел урок географии. Речь шла об этой стране (т. е. Америке). Учительница спросила:

— Почему изо всех стран люди приезжают в Америку?

— Я знаю почему, — сказала Бетти,— потому что Америка—самая лучшая страна.

— Вот это хорошо сказано! — обрадовалась учительница.

Я рассмеялась. Рассмеялась и другая ученица. Я подняла руку.

Учительница спросила, что мне надо. Я сказала:

— Америка—не самая лучшая страна, потому что очень многие люди в нашей стране не имеют никакой работы.

Учительница спросила:

— А почему ты это знаешь?

— Потому что мой отец безработный, — отвечала я.

Учительница рассердилась и крикнула—«Садитесь!»

Когда урок кончился, ко мне подошли несколько девочек и сказали мне:

— Это ты хорошо ей ответила.

Тогда я стала рассказывать им про журнал «Новый пионер» и про пионеров вообще; трое девочек тут же подписались на журнал. Я думаю, что многие ребята последуют моему примеру».

Безусловно последуют все пионеры Соединенных штатов, они не позволят учителям нагло обманывать пролетарских ребят, быстро разоблачат их ложь, особенно про Советский союз.

Пример хорошей работы дают пионеры Нижнего Рейна в Германии.

Они борются за то, чтобы стать большой массовой организацией ребят и создать единый красный фронт: они достигли в этом направлении значительных успехов. Об этом говорит прошедший с большим успехом под руководством пионеров слет ребят Нижнего Рейна, состоявшийся 16—17 апреля.

На торжественном открытии присутствовало 1.200 юных пионеров и неорганизованных ребят. Было бы больше, но зал был переполнен доотказа и некуда было разместить явившихся позже.

Не обошлось без вмешательства полиции, которой конечно мало улыбаются успехи революционного движения среди ребят.

Полиция запретила например исполнение разных сценок пионерской группы под тем предлогом, что в этих сценках высмеиваются попы и начальство.

На следующий день состоялась широкая детская конференция с участием «красных соколов» (членов социал-фашистской организации), а после конференции было устроено шествие, в котором приняли участие 1.500 детей и 1.000 взрослых. Между прочим все плакаты были запрещены полицией.

А вот перед нами первые данные о результатах вербовки среди детей членов вражеских организаций. За январь и февраль 1932 г. **по Саксонии** в пионерорганизацию завербовано 53 члена «красных соколов» (социал-фашистская детская организация), 37 членов христианских союзов, 4 из фашистских союзов и 17 из буржуазных спортивных организаций. В Тюрингии — 15 «красных соколов», 2 фашиста и 36 ребят из спортсоюзов.

Очень плохи результаты **по Рурской** области, где завербовано всего... 5 детей из вражеских организаций (3 красных сокола и 2—из христианского союза), немногим лучше в **Южной Баварии:** 2 и 4.

В общей же сложности по части Германии получаем:	
«красных соколов» завербовано	141
Христианских религиозных ребят	113
Из спортсоюзов	222
Фашистов	10
Всего	486

Эти данные очень неполны (их сообщает журнал немецких пионеров «Барабан»). Но и они говорят о том, что работа среди членов враждебных нам союзов развернута еще очень слабо и что в эту точку надо бить крепче, ибо надо отбить от врага те массы детей, которые ему удалось всякими посулами и ложью завлечь в свои ряды.

Особенно интенсивную работу ведут сейчас попы, которые выполняют заказ капиталистов по разложению рядов пролетарских детей. Один из излюбленных методов агитации этих врагов в рясах — это дикая клевета на Советский союз, в частности на положение советских детей, которое они рисуют самыми мрачными красками.

Особенно изощряется сам верховный главнокомандующий мракобесов — папа римский.

По заявлению его поганой газеты, насквозь лживой «Оссерваторе романо», которая призывает каждый день к расправе с большевиками-безбожниками, в настоящее время в Советском союзе насчитывается ни много, ни мало 9 млн. беспризорных или, иначе говоря, что каждый третий или четвертый мальчик или девочка—беспризорны. «Полчища покинутых детей наводняют города», вопят эти мошенники пера и разбойники печати.

Поп Хэнтер выступает в Америке с проповедями, рассказывая о том, как в одном русском городе (предусмотрительно неназванном) советские власти заманили 1.200 тяжело-больных детей в одно помещение, где всех до одного перестреляли.

Злейший враг СССР — поп Мукераман—орудует по части такой же сумасшедшей лжи. Он говорит например, что в советских детдомах детей засекают до смерти, мажут провинившимся детям языки иодом, оставляют раздетыми на 30-градусном морозе, и т. д. и т. п. Словом, он рассказывает любые ужасы, которые только в силах сочинить его фантазия.

Ловить попов на их мерзкой клевете, на их лжи, на их глубоковраждебной пролетариату агитации научились уже многие из немецких школьников, среди которых еще больше ширится волна безбожья.

Вот пример—один из многих—пробуждения детей от религиозного дурмана, которым их обволакивают попы и капиталисты.

Немецкий юнкор из Брауншвейга пишет в «Барабане»:

«Я посещаю христианскую школу. За всякую провинность нас колотят. Мой учитель—национал-фашист, гитлеровец, и он заставляет нас ежедневно молиться перед началом занятий. Если кто-нибудь не станет молиться, то ему не поздоровится. Мой приятель не хотел молиться. В нашем классе занимается также сын Кляггеса (Кляггес—брауншвейгский министр, ярый фашист), и он всякий раз выдает моего приятеля, когда тот притворяется, будто произносит молитву, а на самом деле только мычит. Моему товарищу приходится в таких случаях плохо, его избивают и учитель и ректор школы.

Я собираюсь кончать с уроками и религией. Я сообщу об этом родителям. Так должны поступить все пролетарские дети. Мы должны вступить в ряды юных пионеров и бороться с палочными педагогами и с религией, которую насаждают попы и фашисты».

Самым суровым образом запрещены какие бы то ни было революционные организации **в Финляндии,** в том числе пионерские. Запрещено также издание пионерских журналов. Но революционные рабочие не сложили оружия. Они работают нелегально и подпольно ведут свою коммунистическую пропаганду.

Пионеры—тоже. Они не желают сдавать своих позиций. Они продолжают работать, несмотря на террор капиталистов.

Об этом говорит письмо пионеров финляндской столицы—Гельсингфорса:

«Мы издали школьный журнал и раздали его ученикам. В нашем журнале мы, пионеры, призываем организовать пионерячейки во всех школах и входить в пионерорганизации. Один экземпляр журнала попал в руки члена фашистского союза «Посеон Войма», и тот конечно немедленно рассказал об этом учителю, чтобы выслужиться.

Учитель рассказал прочим учителям и взялись за поиски. Вскоре у одного из учеников был обнаружен экземпляр журнала. Занятия пошли насмарку.

Учитель начал доказывать, что нехорошо издавать пионерский журнал, а потому-де надо указать на всех, кто эти журналы составляет. Когда же он убедился, что «номер не удался», он рассвирепел и заорал:

— Скажете вы, чорт возьми, кто член ячейки, которая издала эту контрабанду?

Никто не ответил ни слова.

И сколько он ни кричал, нас не выдали.

Тогда учитель позвал трех полицейских, которые в течение двух часов допрашивали всех учеников. И все-таки они не узнали, кто занес в школу эти листки.

А в этот день в нашу группу вступило еще пять учеников».

...полицейские в течение двух часов допрашивали всех учеников

КРОСС-КОУНТРИ

Н. АБРАМОВ
И. РАХТАНОВ
Рис. А. Брей

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Переплет веток деревьев на фоне костра.

Качаются верхушки деревьев.

Кипит на костре кофейник.

Печется картофель.

На корточках сидят скауты.

Капитан Конверверт говорит:

— Я расскажу сегодня о России и пионерах, мальчики...

Генри Джиб подбрасывает в костер новые ветки.

На ветке сидит сова.

— В этой зловещей и кровавой стране... —

говорит капитан.

Дальше идет мультипликация.

Улица, состоящая из церквей и изб. Идут «пионеры».

Их можно узнать разве только по галстукам.

Зловещие лица, кривые ножи, косматые бороды.

Идет старушка с корзиной. «Пионеры» набрасываются на нее.

Отнимают корзинку. В ней—яблоки. Они едят, отбрасывая половину.

Один из них выковырял содержимое яблока, насыпал внутрь пороху.

Написал—«бомба».

Размахнулся и бросил в церковь.

Взрыв.

«Пионеры» гуськом пошли в школу. Учитель—**негр**.

Он вызвал **одного** из них к доске.

Кривым **ножом отрезал** голову и стал об'яснять по ней, как по глобусу.

По улице идет скаут. У него ангельское лицо и крылья.

Негр высунулся в окно.

Показал пальцем. Выбежал пионер-барабанщик.

Череп—барабан. Палочки—берцовые кости.

Ударил сбор. «Пионеры» превратились в гончих и бросились в догонку.

Здесь конец мультипликации.

Говорит капитан:

— Коммунисты хотят, чтобы в нашей божьей стране было так, как я вам сейчас рассказал..

В комнате Тома много народу.

Здесь все известные нам мальчики, Мак и несколько взрослых. Том держит письмо из Москвы.

Покачивается керосиновая лампа, подвешенная к электрическому патрону.

Читает Том:

«Я уже пять месяцев в Москве. Мы живем в новом доме, который построил для своих рабочих автомобильный завод».

Москва.

Высокие, светлосерые корпуса.

Чистые длинные коридоры. Сверкающие на солнце широкие окна. Великолепная газовая ванна. Кухня, электрические бытовые приборы.

Читает Том:

«Я учусь в англо-американской школе...»

Стекло. Бетонный фасад 44-й школы в Ленинграде (где была международная педагогическая выставка), Смоленский район.

Они превратились в гончих

Бег по пересеченной местности начался

Путь лежал через речку

...все же бег продолжался

В прекрасном классе урок.

«Нас учит негр—тов. Робинсон...»

Тов. Робинсон ведет урок в англо-американской школе в Москве.

«Мы не учим библию...»

Мальчики стоят у токарных станков. В классе-цехе, залитом солнцем.

Блестит кафель пола.

«Мой отец работает на большом автомобильном заводе. Он говорит, что завод не уступает заводам Генри Форда, а думаю, что он лучше, потому что он принадлежит самим рабочим...»

Корпуса нового АМО.

«Зеленые» цехи. Сходит с конвейера новый автобус. Читает Том.

Затемнение.

«В канун «дня, данного в благодарность», школа приобретала праздничный вид».

На площадке перед школой стирает старик-негр.

Проходят скауты, развиваются ленточки.

Мистер Торренс сидит перед зеркалом и старательно завязывает галстук.

Длинной цепочкой пробегают мальчики и скрываются в парке.

Проходят Том и Джек Вильсон. Они здороваются с негром.

«Здравствуйте, дядя Сам, как ваша поясница сегодня?»

Улыбается негр. Он вынимает из корыта и выжимает звездный и полосатый американский флаг, который он стирал.

«Благодарю вас, ребята. Помогите мне его повесить на флагшток...»

Флаг поднимается по канату.

На крыше Майк, Том, Фор и старик-негр.

Играет оркестр. Внизу идут скауты.

Говорит негр:

— Завтра мистер Торренс будет по радио говорить речь о большевиках.

Мистер Торренс завтракает.

С котлетой на вилке, он жестикулирует, принимает актерские позы и извергает бурные потоки красноречия.

Он громит Россию — эту страну безбожия и принудительного труда. Завтра это будет темой его большой политической речи по радио.

Мальчики слезли с крыши. Они подошли к группе мальчиков во дворе.

Майк спросил:

— Будете ли вы завтра бежать кросс, ребята?

Один из мальчиков ответил:

— Конечно будем, но только своей командой. И мы назовем ее АМО, в честь того завода, о котором писал нам Джекки.

Мальчики прошли мимо кабинета мистера Торренса.

На матовом стекле двери черным силуэтом видна фигура директора школы.

В позе античного оратора.

Том неожиданно спросил:

— Он завтра говорит по радио?

Фор утвердительно кивнул головой.

Том хлопнул себя по лбу, перепрыгнул через стол, приглашающе махнул рукой и бросился бежать через площадку.

У ворот стоял Генри Джиб. Нагнувшись, он завязывал ботинки.

Том перепрыгнул через него, как в чехарде. За ним Фор и Майк.

Генри выпрямился и, глядя им вслед, со злобой погрозил кулаком.

Конец пятой части

Читатель! Что будет завтра? Что готовят Том и его друзья? Как окончится картина,—плохо или хорошо,—все это ты узнаешь из последней, шестой части.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Наступил день праздника.

Блистающий звездами и полосами, развевается на флагштоке американский флаг.

На солнце блестят медные и никелированные трубы школьного оркестра.

Трибуны на школьной площадке заняты гостями, пришедшими посмотреть на ежегодное спортивное состязание, среди них—мальчики школы.

Гости—это братья, сестры и родители мальчиков.

Так же как и в классе, здесь отчетливо выражена социальная дифференциация гостей.

Мы узнаем в толпе все персонажи, которые мы встречали в этой картине.

Публика отгорожена от старта толстым канатом.

На площадке бегают мальчики.

Они волнуются перед началом кросс-кроскоунтри, их полосатые майки мелькают в толпе на площадке между ветвями деревьев.

У дверей аккуратного домика радиостудии стоит мистер Торренс.

Он—в черном глухом сюртуке, под его массивной выдвинутой челюстью блестит ослепительный воротничек.

Радостно светит солнце.

В луже на улице купается утка с утятами. Звонит мистер Торренс.

Открывается дверь. Он входит внутрь.

Закрылась дверь за Джеком Вильсон. Он пошел в комнату Тома.

Над столиком у окна наклонился Том. Он что-то мастерит. Рядом Майк, который ему помогает. Мальчики не обращают на Джека никакого внимания.

Он спрашивает:

— Ну что, готово?

Майк и Том возятся с радиочастями.

Джек говорит:

— Я удрал на минуту, сейчас старт...

У него под пиджаком видны полосы майки.

Том оборачивается. Он показывает на новенький микрофон, стоящий на столе.

Улыбается Джек.

Перед проведенной на песке линией выстроилось 20 мальчиков. Это—две команды. Команда скаутов «Белый лось» в белых и команда АМО в полосатых майках.

Капитана еще нет.

В радиостудии, пустой комнате, обтянутой материей, несколько стульев, микрофон на треножке, рояль, духовые инструменты. Перед микрофоном—директор, сангвинический мужчина с очень густыми бровями.

Мистер Торренс скучает, сидя в углу. У него в руках № 4.

Рядом с ним—уже немолодая девушка в закрытом платье «тейлор», вероятно, она стенографистка или учительница чистописания в школе для девочек.

Поет мисс Офелия Симпер

Она горда и победоносна. В ее руках табличка № 2.

По знаку, данному директором, она поднимается со стула и идет к микрофону:

— Алло, Алло, Алло! Сейчас мисс Офелия Симпер споет песню «Не бросайте мой труп в степи пустой, где дикий койот будет выть надо мной».

Мистер Торренс скучает в углу. Он проглядывает тезисы своей громовой речи и тоскливо поглядывает на певицу.

Вдоль школьной ограды бежит Джек Вильсон.

Он во-время влетает во двор.

Капитан Конверверт поднял кверху маленький револьвер.

Мальчики стоят на одном колене, опираясь пальцами рук о землю.

Джек бросает находу пиджак и штаны в публику и буквально бросается на одно колено как раз в тот момент, когда мистер Конверверт стреляет в воздух.

Мальчики побежали за школьные ворота, на дорогу, уходящую в лес. И скрылись за деревьями.

Бег по пересеченной местности начался.

Поет мисс Офелия Симпер.

Репродуктор на площадке школы.

Публика снисходительно выслушивает просьбу мисс Офелии «не бросать ее в глухой степи».

На крыше домика Мака—густая паутина проводов, идущих от радиостудии.

Том и Майк на крыше.

Они скрыты большими ветвями растущего перед домом дуба.

Том возится в проводах. На голове у него наушники.

Он соединяется с одним из проводов.

Дв. экспоз. На наушниках возникает мисс Офелия, поющая перед микрофоном.

Кивнул головой Том. Сказал Майку:

— Этот провод идет на радиостанцию.

Репродуктор на перекрестке.

В лесу.

Двумя командами бегут мальчики.

«Амовцы» отстали.

Команда скаутов впереди.

Дорогу пересекает быстрый и широкий ручей.

Через него переброшено бревно.

Один из мальчиков обращается на бегу к Джеку Вильсону:

— У Тома все в порядке?

Кивает головой Джек.

Эта весть быстро облетает «амовцев».

Команда Бонни в 200 метрах впереди.

Бонни первым вступил на бревно и перешел на ту сторону.

За ним—остальные мальчики.

На трибунах жарко.

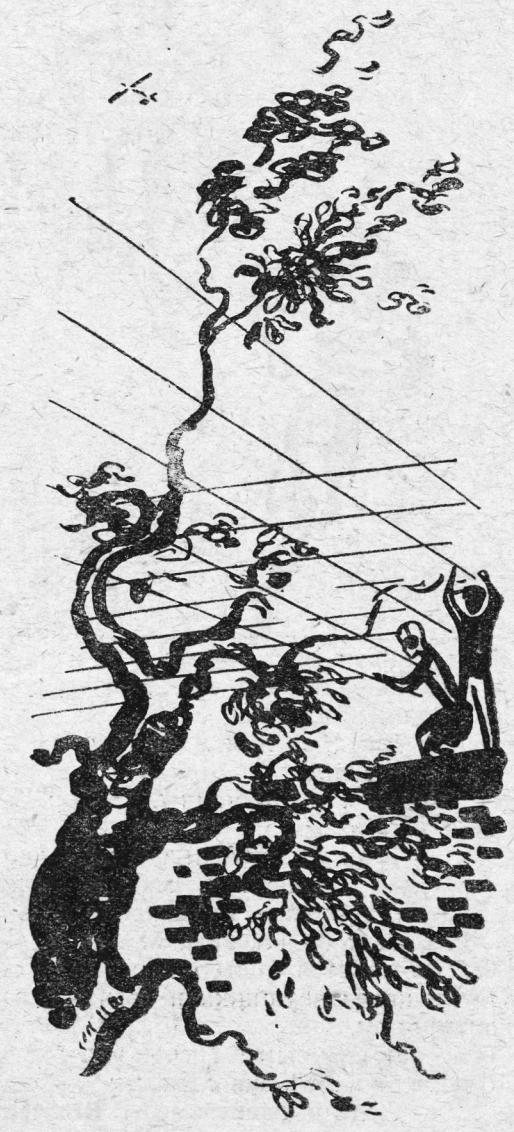
Продают трубочки с мороженым и газированную воду.

Директор на радиостанции подходит к микрофону.

Репродукторы на трибунах, на перекрестке.

Говорит директор:

— Алло, Алло, Алло! Сейчас мистер Иеремия Эвергрин исполнит на тирольском рожке арию «Укажи мне тот край, где персик цветет».



Они соединяются с одним из проводов

Унылый, с обвисшими усами, клерк подходит к микрофону.

Он отдает директору табличку № 3 и вынимает из футляра свой тирольский рожок.

Бонни и скауты перешли бревно.

Приближаются «амовцы».

Бонни, Джиб и еще несколько скаутов сталкивают бревно в воду.

Путь дальше отрезан.

Бонни кричит бегунам:

— Что передать вашим сестрам и невестам на трибунах?

«Амовцы» быстро снимают туфли.

Скауты снова ушли в лес.

Плывут через ручей «амовцы».

Их противники далеко впереди.

Переплывает последним Питер Кайген.

Мальчики углубляются в лес.

В лесу тень, прохладно.

Бегут мальчики-скауты.

На трибунах оживление.

Репродуктор передает страдание мистера Иеремии Эвергрина.

Мальчики дежурят у ворот и на дороге для того, чтобы первыми заметить приближение к финишу.

Бегут мальчики.

Дорога идет в гору.

Скауты добежали до разветвления двух дорог.

Флажки указывают маршрут по одной из них.

— Стоп! —

кричит Бонни. Он оглядывается и говорит скаутам:

— Мы побежим сейчас не по дороге, а напрямик, это еще больше сократит нам время.

Радиостудия.

Мистер Иеремия Эвергрин прячет свой тирольский рожок в футляр.

На крыше сидит Том—на нем наушники. В руках у него конец провода.

Майк в комнате возится с микрофоном.

На столе перед ним склеенное письмо со штампом «Москва».

«Амовцы» добежали до разветвления.

Ветер слабо шевелит флажок, указывающий маршрут.

Джек Вильсон махнул, и мальчики побежали по дороге.

Лес. Болото.

Увязая в грязи, идут скауты.

Они устали и уже не надеются на победу.

Только бы выйти из этого проклятого болота!

Генри Джиб ругается с Бонни.

Джек и остальные ребята подбегают к невысокому забору.

Флажки идут дальше.

Мальчики удивлены отсутствием скаутов.

Они переглядываются, смотрят на флажки. Все правильно.

Из небольшой рощицы выходят, по колени в грязи, скауты.

Они даже не бегут. Они идут к забору.

Ликуя, Питер Кайген и Фор лезут через забор.

Широкая дорога ведет к городу, он уже виден издали.

Бегут мальчики.

Скауты в отчаянии стоят перед забором.

Они так утомлены, что не могут перелезть через него.

Подсаживая друг друга, они начинают преодолевать это слишком трудное для них препятствие.

Бежит Джек, за ним мальчики.

В радиостудии.

Подходит к микрофону директор.

Он говорит:

— Наш уважаемый директор школы для мальчиков, мистер Арчибальд Торренс, произнесет речь о России и большевиках...

Откашливается мистер Торренс.

Майк надел наушники и стоит перед микрофоном.

Слушает на крыше Том.

Слушают на трибунах гости:

— Леди и джентльмены! Все честные американцы... —

—говорит Торренс.

Приближается команда АМО.

Далеко позади маячат скауты.

— Я расскажу вам о России, об этой зловещей и кровавой стране принудительного труда...

—с пафосом говорит мистер Торренс.

Слушают дамы на трибунах. Иронически ухмыляется Мак Эванс.

Том трижды стучит в крышу дома.

Майк поднял вверх голову. Он услышал сигнал.

Торренс продолжает:

— Мальчики моей школы получили оттуда письмо; в нем яркими красками обрисованы ужасы советского режима.

Том разрезал ножницами провод и присоединил свой.

Вбегает в город команда АМО.

Они уже бегут вдоль длинной школьной ограды.

На трибунах—крайнее возбуждение.

Натянута шерстяная нитка финиша.

В комнате Тома Майк внятно читает в микрофон:

— Здесь в Москве и вообще в СССР работают все, и мой отец не был без работы и дня.

Декламирует Торренс.

Раз'единение провода.

Джек Вильсон и Фор разорвали нитку финиша.

Дирижер оркестра поднял палочку. Сейчас будет туш, но вдруг палочка замерла в воздухе. Мистер Торренс детским голосом говорит из репродуктора:

— Мой отец сейчас ударник, две недели назад его выбрали членом Московского совета, а летом мы поедем с ним на курорт, на берег моря...

Остолбенели дамы.

Радостные лица команды АМО.

Мак перелез через барьер и радостно жмет им руки.

Недоуменные трубы оркестра.

Декламирует Торренс.

Висит конец провода.

Том в наушниках держит соединение.

Дв. экспоз. Майк читает письмо.

Репродуктор:

— В СССР, я скажу вам, ребята,— хорошая жизнь.

Пролетарская часть публики хлынула к репродуктору.

Мак влез на стол.

На площадку прибежали скауты.

Крикнул Мак:

— Да здравствует наша команда АМО! Гип, гип, урра!!!

Торренс отирает пот; он кончил свою речь.

На столбе висит американский флаг. Под ним—Мак Эванс.

Он окружен густой толпой мальчиков, родителей, зрителей.

Покидают площадку учителя, шокированные дамы, родители скаутов.

За воротами их ждут автомобили.

Говорит Мак:

— Мы сегодня видели вашу победу. Ребята, пусть этот день повторяется еще много раз до тех пор, пока не перестанут существовать скауты, фашисты, капиталисты. До тех пор, пока над школами не перестанет развеваться этот флаг...

На флагштоке, выстиранный и блистающий всеми звездами и полосами, бьется по ветру флаг.

КОНЕЦ

Корабль тундры

Очерк Эпштейна

Рис. ПОРОШИНА

Роль и значение оленя в жизни малых народов Севера примерно таковы же, как и верблюда для жителя пустыни. Существование человека в тундре немыслимо без оленя. От него здесь все: пища, одежда, жилище, материал для изготовления промысловых орудий; олень — единственная возможность передвигаться.

Северный олень располагает огромными внутренними ресурсами, и ценность «корабля тундры» тем больше, чем полнее эти ресурсы используются.

Мясо оленя, необычайно вкусное, питательное и нежное, напоминает лучшую дичь и весьма высоко ценится за границей. И когда мы впервые вывезли оленину в качестве экспортного товара, она сразу же имела обеспеченный сбыт. К сожалению убой оленей производится в таких условиях, что мясо используется далеко не полностью.

Об'ясняется это следующим: массовый убой оленей происходит в сентябре—октябре, когда шкура имеет наибольшую ценность. В это время года стада находятся вдали от жилищ оленеводов.

Убив оленя, лопарь не может везти туши на большие расстояния, тем более, что морозов в сентябре еще нет и мясо быстро портится. Поэтому, вырезав для себя лучшие куски, оленевод остальное бросает собакам или оставляет в тундре.

Полнее всего и без остатка используется оленья шкура. Из нее делают жилище, так называемые «чумы» и «куваксы» — шалаши, покрытые шкурой, лопари шьют из нее теплую одежду — «малицы» и меховые сапоги — «пимы», перчатки и шапки-ушанки. Из шкуры же приготовляется замша — хороший сорт кожи, идущий на изготовление перчаток, сумок, верхней одежды и т. д. Для получения замши с шкуры снимается шерсть, которая в свою очередь используется для набивки спасательных кругов, матрацов и на вязку носков. Из рогов, копыт и костей оленя делается промысловое оружие, а сухожилия используются как нитки.

До того времени, пока олень не был приручен, племена, населявшие Север, были лишены возможности передвигаться вглубь Кольского полуострова: поэтому их основным занятием оставался морской промысел. Первобытные рыбаки, приручив оленя, использовали его прежде всего как тяговую силу. При этом в качестве повозки первоначально фигурировала та же самая «посуда», на которой они передвигались по воде. С течением времени она видоизменилась и приняла теперешний вид легких саней, впрочем мало устойчивых и мало удовлетворяющих путешественников, привыкших к более совершенным средствам передвижения.

Оленеводством на Мурмане исстари занимаются лопари — один из малых народов Севера. Но так как оленеводство не было их главным и единственным занятием, они смотрели на него как на подсобное и не уделяли ему достаточного внимания. На сезон рыбной ловли лопари выпускали оленей в тундру, оставляя их без всякого присмотра и вновь собирая осенью. Оленье стадо без помощи пастуха не может отыскать хорошее пастбище. И нередко бывает так, что олени топчутся на давно использованном выпасе, сбиваясь в кучу, в то время как где-то совсем близко есть великолепное пастбище, еще совершенно нетронутое.

Самый жестокий враг оленя в тундре, более для него страшный, чем даже волк, — это овод, являющийся подлинным вредителем заполярного животноводства. На шкуре оленя овод откладывает личинки, отчего образуются язвы-свищи, причиняющие оленю мучительную боль и портящие шкуру, так как на ней образуются дыры и она теряет свою ценность.

Преследуемый оводами, олень мечется, как безумный, по тундре, изнуряется и ослабевает.

Немалый ущерб причиняют оленеводу так называемые «дикари», т. е. дикие олени. Достаточно появиться в отсутствие человека у стада пасущихся оленей «дикарю», как тотчас часть животных отделяется и уходит за «дикарем» куда-нибудь в глубину тундры, в недоступные места.

До появления на Мурмане представителей другого северного племени — зырян-ижемцев, пришедших с Печоры, со своими стадами и пастухами — самоедами, здесь было совсем мало оленей. Когда же пришли опытные оленеводы-ижемцы, картина резко изменилась, и оленье стадо стало заметно увеличиваться из года в год. Накануне империалистической войны здесь насчитывалось уже 74 тыс. голов. Это был год наибольшего расцвета оленеводства на Мурмане, ибо непосредственно вслед за ним наступает длительный период упадка.

Первый удар оленеводству был нанесен постройкой Мурманской железной дороги, куда насильно сгонялись лопари с оленями. Перевозя без привычки большие тяжести, олени быстро обессиливали и гибли. Несколько позже — уже в период английской интервенции — лопари из опасения реквизиций сами хищнически уничтожали свои стада. Все это вместе взятое привело к уменьшению поголовья и только в 1923 г. обозначился сперва медленный, а затем все более и более уверенный рост стада.

„ИМАНИЕ"

Оленье стадо состоит из самок—«важенок», производителей — «хиврасов», рабочих быков и молодняка до двух лет. Хозяйственный год оленевода начинается весной, с момента отела важенок.

Как мы уже говорили, оленье стадо, выпускаемое в тундру в первые весенние дни, уходит вглубь тундры, и собирание его в октябре, перед убоем, представляет немалую трудность. Этот процесс называется у лопарей «иманием».

«Имание» начинается с того, что лопари ловят необходимое количество ездовых быков и на них уезжают в тундру, в места, где предположительно должны находится олени. Здесь ставят «куваксу», и вокруг нее, как вокруг центра, описывая более или менее правильные круги, загоняют всех попадающих оленей, собирая их в одно стадо.

Когда «имание» закончено, начинается «отбивание»: отбор и распределение оленей между отдельными хозяевами. С этой целью лопари ездят друг к другу в гости и, отбирая оленей, попавших во время «имания» к другим хозяевам, составляют каждый свое стадо. «Отбивание» отнимает у лопарей много времени и плохо отзывается на оленях, которые от непрерывной гонки от хозяина к хозяину теряют накопленный за лето жир.

Осенью лопари производят подсчет стада и клеймение молодняка. Для этого

ИЗ ОЛЕНЬЕЙ ШКУРЫ ДЕЛАЮТСЯ:

МЕХОВЫЕ САПОГИ ПИМЫ

ШАПКИ-УШАНКИ, ТЕПЛАЯ ОДЕЖДА-МАЛИЦЫ

ПЕРЧАТКИ

Осенью оленей ловят лассо

опять-таки необходимо «имать» оленей. Клеймо, как правило, ставится на ухе животного: у каждого хозяина есть свое особое клеймо, по которому он всегда может узнать принадлежащего ему оленя.

«Имание», «отбивка» и подсчет стада обходятся оленеводу очень дорого, и, несмотря на существование специальных приспособлений, освобождающих от необходимости ежегодного имания или облегчающих эти процессы, оленеводы в массе не могут прибегать к ним, так как у них для этого нехватает ни рабочей силы, ни средств. Приспособление, облегчающее отбивку, чрезвычайно просто и ничего мудреного собою не представляет. Называется оно «изгородью».

Это — небольшой участок тундры, отгороженный изгородью с узким проходом в одной из стен. Пропуская стадо в этот проход, оленевод пересчитывает прошедших в ворота оленей и таким образом учитывает их количество.

Помимо этого изгородь является также наиболее совершенной формой выпаса, так как изолированные изгородью олени не разбредаются в тундре, хищникам же сюда попасть не легко.

НАЧАЛО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

При единоличном ведении хозяйства лопари, имеющие мелкие стада в 15—20 голов, т. е. наиболее типичные для бедняков, и даже середняцкие стада в 80—100 голов, лишены возможности рационально вести хозяйство и оберегать стадо от потерь. Происходит это по следующей причине: для того, чтобы пасти стадо в тысячу голов, достаточно иметь двух пастухов. Лопари-кулаки нанимали для такого большого стада двух батраков, и это вполне оправдывало расходы на их содержание. В то же время нанять бедняку или середняку пастуха для нескольких десятков оленей просто невыгодно. В силу этого неимущая часть лопарей вынуждена оставлять стадо без присмотра, подвергая оленей многочисленным опасностям тундры.

Когда наиболее передовым лопарям из бедняков и середняков стало ясно, что культурное оленеводство немыслимо до тех пор, пока олени не будут собраны в большие стада и поставлены в лучшие условия, они сделали попытку организоваться. Отсюда — первые попытки коллективизации, не увенчавшиеся однако вначале особенным успехом, ибо они встретили сильное сопротивление кулацких элементов, влияние которых тогда было почти неограниченным. В качестве иллюстрации, рисующей все своеобразие форм и методов классовой борьбы в тундре, приведем следующий интересный эпизод, имевший место в погосте (селение лопарей) Пулозеро.

В этом погосте жил кулак-оленевод Кондрат Архипов, которому за определенную часть приплода бедняки сдавали своих оленей для пастьбы. Когда наступал момент расчета, всегда выходило так, что приплода у бедняцких важенок не оказывалось: то волк задрал телят, то овод замучил, а чаще всего, по уверению Архипова, «злые духи» угнали их в тундру.

Архипов пользовался среди лопарей репутацией колдуна, и его все боялись. Но вот однажды обворованный «колдуном» бедняк Маркович потребовал от него, чтобы тот допустил его к стаду, посмотреть, нет ли среди архиповских оленей его — Марковича — важенки. Архипов разозлился на бедняка, вытолкал его и пригрозил близкой смертью.

Спустя некоторое время Маркович, давно болевший туберкулезом, и в самом деле умер. Архипов очень ловко использовал этот случай и приводил его в доказательство своего безграничного могущества.

Прошло несколько лет. В начале 1930 года группа лопарей, пострадавших от колдуна, подала на него жалобу в суд. Это был первый случай обращения лопаря в советский суд. И это была полная победа лопарских бедняков. Получив повестку с предписанием явиться к судебному следователю в Мурманск, Архипов умчался в тундру к своему стаду, где и скрывался около года. Однажды пулозерский бедняк Коньков, собирая в тундре своих оленей, наткнулся случайно на несколько архиповских. Тотчас повернув в Пулозеро, он сообщил об этом председателю сельсовета. На следующий день сюда прибыли представители района и направились по горячим следам в тундру. Прокружив километров семьдесят, они попали к архиповскому чуму— прямо на чай. Хоть гости были и незваные, а принять пришлось.

На завтра из архиповского стада было отобрано 36 быков для лесозаготовок, а присмиревший «колдун» был препровожден в Мурманск для дачи показаний о прошлых провинностях.

Архипова боялись, его считали колдуном

Случай этот вызвал много толков и своим прямым следствием имел резкое классовое расслоение в тундре. Бедняки поняли, что наступил момент для организации, ибо это — единственное оружие в борьбе с еще неликвидированными кулаками.

К концу 1930 г. на Мурмане было четыре оленеводческих колхоза, об'единивших свыше 10 тыс. оленей.

Лучшим колхозом на полуострове считается Ивановский. Сюда проникли уже принципы организации труда, присущие старым животноводческим колхозам. Поголовье колхоза, насчитывающее 8 тыс. оленей, разбито на три стада, к каждому из которых приставлена бригада в пять-шесть пастухов. Оплата труда здесь сдельная, притом весьма своеобразная—счет производится с головы сохранившегося оленя за год, при чем пастух получает 75 к. за взрослого оленя и один рубль — за молодого.

В заключение скажем несколько слов об одном высокоценном качестве «корабля тундры», которое только теперь получило у нас признание и использование которого должно произвести настоящую революцию в питании детей Заполярья. Речь идет об оленьем молоке. Огромное практическое значение этого станет понятным, если учесть, что за Полярным кругом корова — такое же редкое и диковинное животное, как и нильский крокодил у нас. Дети, родившиеся на Мурмане, не видели коровы иначе как на картинке. Удовлетворить требования тысяч детей Заполярья на молоко должен все тот же «корабль тундры» — северный олень.

Лопари, живущие в Швеции и Норвегии, доят оленей уже несколько сот лет и получают великолепное молоко.

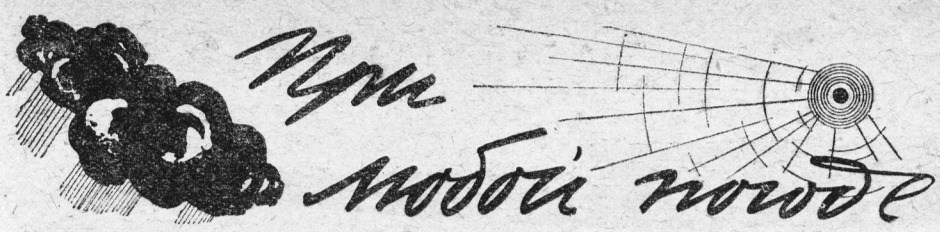
Сейчас этот вопрос поставлен на практические рельсы и у нас. Ленинградское отделение «Союзмолока» направило в Мурманск своих специалистов, и они произвели пробное доение. Конечно приучить к нему важенку не так легко. Это — очень пугливое, но в то же время ласковое животное и, если с ней обращаться мягко и ласково, она может быть приручена довольно быстро.

Анализ молока, произведенный в Ленинграде, показал, что оно содержит 23 проц. жира, т. е. по крайней мере в пять раз питательней коровьего молока.

Успешность опытов, произведенных по доению оленей уже сделала свое дело. Правление об'единения «Оленеводтрест» предписало своему мурманскому совхозу поставить на доение восемьсот важенок.

Этот первый вклад в молочное снабжение детей Заполярья является огромным достижением и требует самой активной поддержки прежде всего со стороны своих ребят — пионеров.

Восемьсот важенок — это капля в море по сравнению с общим поголовьем оленей на Мурмане. Многие тысячи колхозных и частновладельческих важенок еще долго не будут использовываться в качестве дойных животных, если по этому поводу не развернуть широкую кампанию. Пионеры Мурманского округа, кровно заинтересованные в доении важенок, должны взять под особое внимание их доение и убедить своих родителей в том, что право детей на молоко должно быть удовлетворено решительно и непререкаемо.



При любой погоде

Рассказ
Л. Кассиль.

Рисунки
Л. Бродаты

Летчикам тоже интересно. И аэропланы низко кружатся над полем битвы.

А внизу, в переполненных трамваях и автобусах люди спрашивают друг друга:

— На «Динамо» сходите?

— Схожу на «Динамо».

— На южной?

— Нет, на северной.

Он так велик, стадион «Динамо», что между южной трибуной его и северной умещается как раз трамвайный перегон от остановки до остановки.

Десятки тысяч москвичей и приезжих спешат к стадиону. Они только-что отработали, отзанимались, отучились. Они читают находу, на бегу, на скаку газеты. И в газетах написано, что сегодня на стадионе «Динамо» «большой день».

«Большой день»—так называют физкультурники день серьезных соревнований. Большие спортивные дни бывают и зимой, когда дни коротки, как вспышка ракеты.

Но сейчас июнь, месяц самых длинных дней в году. И дни на стадионе, в Москве, в стране огромны. Не успевает день выйти из северных ворот стадиона, как в южные стучится уже завтрашний.

Все советские пионеры знают этот стадион. Они или гостили сами на его трибунах, или видели его на снимках, или слышали о его чудесах от своих товарищей, которые ездили на пионерский слет.

Стадион «Динамо» был тогда гигантским бетонным насестом, на который слетались лучшие пионеры со всех концов СССР.

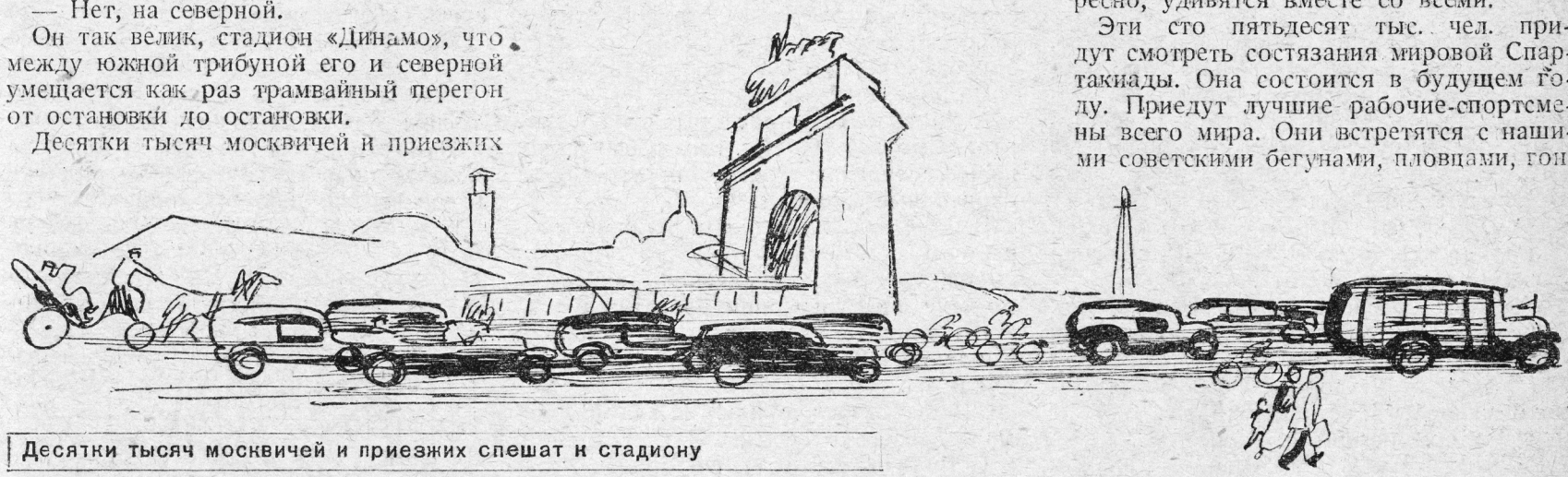
Все-таки я скажу кое-что о стадионе. Трибуны его, т. е. места для зрителей, похожи на подкову, оброненную какой-то лошадью-великаншей. Так и шутят, что у зеленого порога столицы прибита великанская подкова «на счастье». И на здоровье.

Толщиной эта подкова — с четырехэтажный дом. Она была рассчитана так, что на ней может удобно рассесться 3.500 чел., а стоя могут разместиться 10.000 зрителей.

Но наша жадность к знаниям, здоровью и счастью так растет, что все сделанное оказывается недостаточным.

И когда в Москву приехали в прошлом году турецкие футболисты, то на стадионе «Динамо» уместились сидя, стоя и лежа 80 тысяч зрителей.

А еще тысяч около 20 ушли домой, не солоно хлебавши. Потому что стадион был заполнен до самых краев и те, кто не запас заранее билетов, оказались выплеснутыми.



Десятки тысяч москвичей и приезжих спешат к стадиону

...трамваи переполнены, всем хочется попасть на стадион

Но пусть они не унывают. В Москве начали строить новый стадион-стадионище.

На его трибунах будет 125 тысяч мест.

А так как мы научились обходиться в тесноте без обиды, то значит на новом стадионе вполне уместится 150 тыс. зрителей.

Вы представляете себе, что это только будет: 150 тыс. чел., сидящих кругом небольшого зеленого поля.

Если все они удивятся чему-нибудь и сразу все вместе скажут «о!» — это будет такое «о», что оно взлетит над Москвой, как воздушный шар.

И в небе летчики, которым тоже интересно, удивятся вместе со всеми.

Эти сто пятьдесят тыс. чел. придут смотреть состязания мировой Спартакиады. Она состоится в будущем году. Приедут лучшие рабочие-спортсмены всего мира. Они встретятся с нашими советскими бегунами, пловцами, гонщиками, футболистами. Но участники мировой Спартакиады—это не те, кто всю свою жизнь проводит на беговой дорожке. Это—не профессиональные чемпионы, не те, кто зарабатывает огромные деньги своим умением бегать, прыгать и драться. На Спартакиаду приедут шахтеры-футболисты, математики-боксеры, шоферы-бегуны, текстильщики-копьеметатели и т. д.

С'едутся советские спортсмены: рабочие, крестьяне, красноармейцы, приедут заграничные пролетарские спортсмены—рабочие, интеллигенты. Они всю жизнь работают, трудятся. И лишь в свободные минуты могут заниматься спортом. Они укрепляют свои мышцы, они крепят красный спортивный фронт, они готовятся к борьбе не только на стадионах.

Пока мы с вами тут толкуем о Спартакиаде, на стадионе «Динамо» в 6 часов вечера начинается «день», большой спортивный день. Огромный мяч — он выше человека — лежит в центре поля. Судья игры свистит. С двух сторон на мяч бросаются по одиннадцати человек, желтые и полосато-черные. Это — химики и печатники. Это — пушбол.

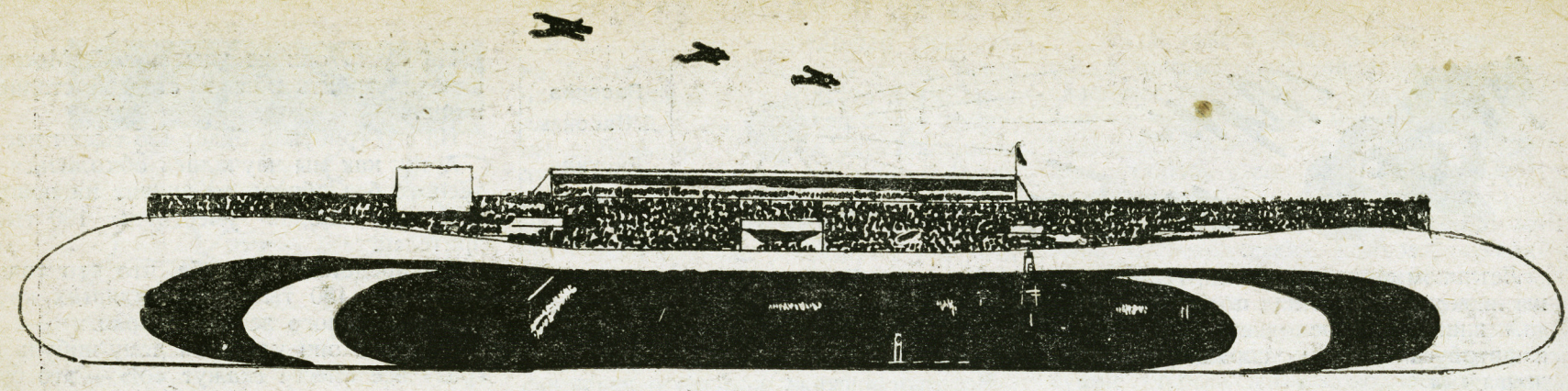
Надо выкатить мяч с поля за черту противника. В мяч упираются, его толкают руками, плечами, под него подлезают, на него ложатся, с него скатываются. Мяч медленно выпирается вверх. Его награждают тумаками.

Он катится на вытянутых руках игроков. Потом он садится на траву. Вокруг него начинается опять возня, сопение.

А мяч непоротлив. Мяч кажется добродушным слоном, которого донимает это беспокойное двухцветное племя. 50.000 чел. весело хохочут на трибунах. Очень смешно.

А, ну, ну химики!

Но все ждут футбола. Все спрашивают друг друга:



Стадион велик, он вмещает 80 тысяч зрителей

— Селин играет? Рыжий сегодня будет?

«Рыжий Федя», «король воздуха», «вездесущий»—каких только прозвищ не надавали посетители стадионов Федору Ильичу Селину, самому известному, любимому и лучшему футболисту в СССР.

Но сегодня Федя Селин не играет.

Говорят, что он болен, что он уехал. Говорят, что он занят. Ведь он—инженер завода «Серп и молот».

Вокруг зеленого поля, ровного, как сукно на письменном столе, идет серая беговая дорожка.

Длина всей дорожки 450 метров. И там начинается эстафетный бег.

На старте поднят флажок.

Приготовились? Внимание! Флажок резко опускается. Марш!

При первых же каплях дождя иностранные дипломаты заволновались

Выстрел. Четыре разноцветных бегуна рванулись вперед так стремительно, словно это ими выстрелили из револьвера. В руках бегунов палочки, похожие на барабанные. Нужно обнести эти палочки вокруг поля несколько раз. Каждая палочка должна сделать 1.500 метров — полтора километра. Первые носители палочек обязаны пробежать 800 метров. Поэтому сперва бегут выносливые, спокойные бегуны. Они обегают поле два раза. Каждого бегуна ждет уже товарищ в майке его «родного цвета». Он хватает палочку и уносится с ней вперед. В руках этого бегуна палочка должна пройти один круг — 400 метров. На этом круге идут более быстрые, более резвые бегуны. Шаг их короче и чаще. Обнесенная вокруг поля палочка передается в третьи руки. В этих руках палочке суждено быть лишь полкруга—200 метров. Дистанция в два раза короче. Темп бега все резвей и резвей. Зрители волнуются: чья палочка придет на финиш первой... Вот палочка вступила на последний путь—100 метров. Бегуны мчатся. Лента натянута. Зрители выходят из себя, кричат. Все мелькает: локти, подошвы, колени. Рывок. Прыжок. Лента... Победа! Победила та палочка, которая прошла по рукам наиболее

футбол. И вот футбол начинается. Судья свистит, мяч ухает и взлетает. Голкипер мечется в воротах. На зеленом поле идет борьба, игра, матч.

На поле идет битва.

А на трибунах приоткрылись 50 тыс. ртов. Смотрят 100 тыс. глаз и 500 тысяч пальцев теребят газеты, программы и спортивные журналы.

Вы увидите здесь седых профессоров, рабочих с семьями, молодежь, школьников, крестьян, приехавших в Москву по делу, физкультурниц, работниц и т. д.

Вы увидите товарищей Буденного и Карахана, иностранных дипломатов, вы увидите...

...Вдруг пошел дождь. И какой!.. Уйма воды упала с неба.

С трибуны хлынули водопады, иностранные дипломаты исчезли, словно их смыло. Но остальные зрители прикрылись газетами, пиджаками, плащами.

А футбол превратился в ватер-поло (так называется водный футбол).

Игроки падают в лужи.

Мяч плюхается, обдавая всех брызгами.

Белые трусы стали черными.

Голкипер похож на утопленника. Он только-что «нырял» за мячом. И весь стадион аплодирует стойким, вытренированным игрокам. Хлопают так, что от мокрых ладоней идет пар.

Недаром на наших спортивных афишах пишется: «матч состоится при любой погоде».

Дождь кончился.

Футбол тоже.

Это была первая встреча лучших футболистов Киева и Москвы.

Города сыграли в ничью—1 : 1.

Но через пять дней они встретились опять. И непобедимая Москва, чемпион СССР, впервые проиграла. Киев забил

Москве 5 мячей, пропустив лишь два ее мяча. Игра окончена.

Но все сидят на местах.

Все ждут мото-велогонок.

Вокруг бегового кольца стелется бетонная дорога, гоночный трек.

На концах, там где она, поворачивая, огибает поле и внутреннюю дорожку, бетон высоко и круто поднят.

Образуется гигантская бетонная ван-

Но остальные зрители остались на местах

на, днище которой прозеленело футбольным полем.

Длина бортов этой «ванны»—800 метров. Обойдя трек кругом лишь пять раз, отшагаешь 4 километра.

Там, где обычно в ваннах делают отверстие для стока воды, на поле имеется люк. Из этого люка на свет вылезают велосипедисты. Они несут свои машины на плечах, педали велосипедов беспомощно барахтаются в воздухе. Острые жучинки спиц встают над плечами гонщиков, как штыки.

В это время раздается подземный гул. Нет. Это — уже глухой рев. Все насторожились.

И на бетон выезжают мотоциклы.

Они делают несколько неторопливых кругов, разогревая свою горючую кровь, разминая застоявшиеся металлические суставы. Но уже звенит набатом колокол и начинается гонка. Закачались коленки велосипедистов: в этой гонке участвуют и велосипедисты и мотоциклисты.

У каждого гонщика-велосипедиста есть свой «лидер», мотоциклист.

Мотоцикл мчится вперед, рассекая воздух, отбрасывая вихри в стороны.

За мотоциклом образуется разреженное пространство, разуплотненный воз-

В этой бегущей за мотоциклом полупустоте за спиной лидера бешено качает педали велосипедист.

Воздух не упирается ему в грудь, как при обыкновенной езде, одиночкой.

И велосипедист может гнать свою машину с невероятной быстротой.

Вся штука в том, чтобы не взять непосильного темпа, не выдохнуться, не отстать от мотоцикла на поворотах, не сбиться в сторону от разреженной струи.

Иначе воздух сейчас же плотно упрется в грудь гонщика, возьмет его за ноги и отбросит.

Как и у певцов, в гонке есть высокие места, с которых легко сорваться и разбиться вдребезги.

На поворотах, виражах, эта человеко-моторная пара взлетает на высоту двухэтажного дома. На самый верх бетонного борта ванны.

Машины наклоняются, они несутся параллельно земле, лежа в воздухе, со скоростью до 70, 75 километров в час.

Только центробежная сила спасает их от падения. Мотор гремит. Колени велосипедиста работают, словно поршни. В сорок секунд пары замыкают полный круг.

Через каждые 40 секунд они проносятся мимо нас в громе мотора и страшном вихре мышц.

И человек у финишного столба подносит к их мгновенным взорам белые щиты с убывающими цифрами: 10, 9... 8, 7 кругов, осталось промчаться лучшей из гонящихся пар 5... 4... 3... Они мчатся колесо в колесо, словно велосипедист привязан к мотоциклу.

Их хотят обогнать. Поздно—3... 2... 1.

Бьет колокол. Газуй! Газуй!

Последний нажим на педали. Жми! жми!..

Когда мотор устало стихает, слышно, как приветствует стадион двух победителей.

И на этом кончается большой день.

Но не только «большие дни», а ежедневно на площадках, на водных станциях, в стрелковых тирах сотни и тысячи физкультурников и физкультурниц закаляют свои тела и сдают экзамены по прыжкам, по стрельбе, по бегу, по плаванию.

Сдают рабочие, колхозники, вузовцы, артисты и летчики. Им тоже интересно. И у десятков тысяч уже сияют на хорошо проверенной крепкой груди значки «ГТО».

Этот значок удостоверяет, что носитель его бегает, прыгает, плавает, носит тяжести, бросает гранату и стреляет достаточно хорошо.

Этот значок сообщает нам, что носитель его готов к труду и обороне СССР при любой погоде.

РАССКАЗ О ТАЙНЕ ЕТШ

Недавно вышла новая книга Л. Кассиля. Она называется «Блуждающая школа».

Читатели «Пионера» вероятно помнят ее. В прошлом году она печаталась в нашем журнале. Книжка — веселая. Такая, какую, начав читать, не отложишь уже до самой последней точки. Таких книгу у нас мало, а те, какие есть, те давно распроданы.

В маленьком волжском городке есть гимназия (так при царе называлась школа). Как учились в этой школе, мы помним по первой книге Кассиля «Кондуит». Знаем мы, как однажды, в очень хороший день Никита Павлович Камышев, веселый длинноусый учитель, попросил выйти вон из класса портрет Николая Романова, царя всероссийского, за то, что тот курил вставленную ему в рот Степкой Атлантидой папиросу. С тех пор школа раскололась. И первая книга кончилась на том, как сгорел кондуит—страшный гимназический штрафной журнал. Гимназист в серой застегнутой на все пуговицы шинели ушел и книга кончилась. Гимназист ушел, но ребята остались. Они перешли во вторую книгу и стали блуждать, потому что гимназия, старая школьная система, старые педагоги — инспектор, историк, рыжий математик, латинист — больше уже не существовали. Ребята стали блуждать, потому что блуждала вся страна, а что означала таинственная ЕТШ — никто не знал.

А неизвестная ЕТШ — это единая трудовая школа. «Единая» потому, что она составилась из начальной, приходской, городского, коммерческого и реального училищ и классической гимназии. «Трудовая» потому, что, как сказал комиссар товарищ Чубарьков, «она всех трудящихся и обучает всяким трудам умственным и физическим».

Но не так скоро и не так легко раскрылась бывшим гимназистам тайна ЕТШ. Они все, правда, с начала учебного года увидели нового человека, комиссара товарища Чубарькова, узнали его замечательное изречение «точка и ша», но не все они поняли падение режима, поняли свободу так, как нужно было понять. Был например герой класса Биндюг—кулацкий сын с хутора. Он понял новое так, что учиться совсем теперь не нужно.

— Некогда этим делом заниматься,— отвечал он, — не старый режим, хватит.

Так думал он и устроил знаменитый «вселенский хай», когда из школы устранили реакционера и вредителя Семиона Игнатьевича Кирикова. Он устроил «хай», он выгнал из класса революционера Степку Атлантиду и «сочувствующего интеллигента» Леньку, и потребовалось вмешательство коня комиссара товарища Чубарькова, чтобы кончить «хай». Но с тех пор, как будто после кризиса, школа стала поправляться, стала, как выздоравливающий больной, шагать все увереннее и наконец пошла по прямой, широкой советской дороге.

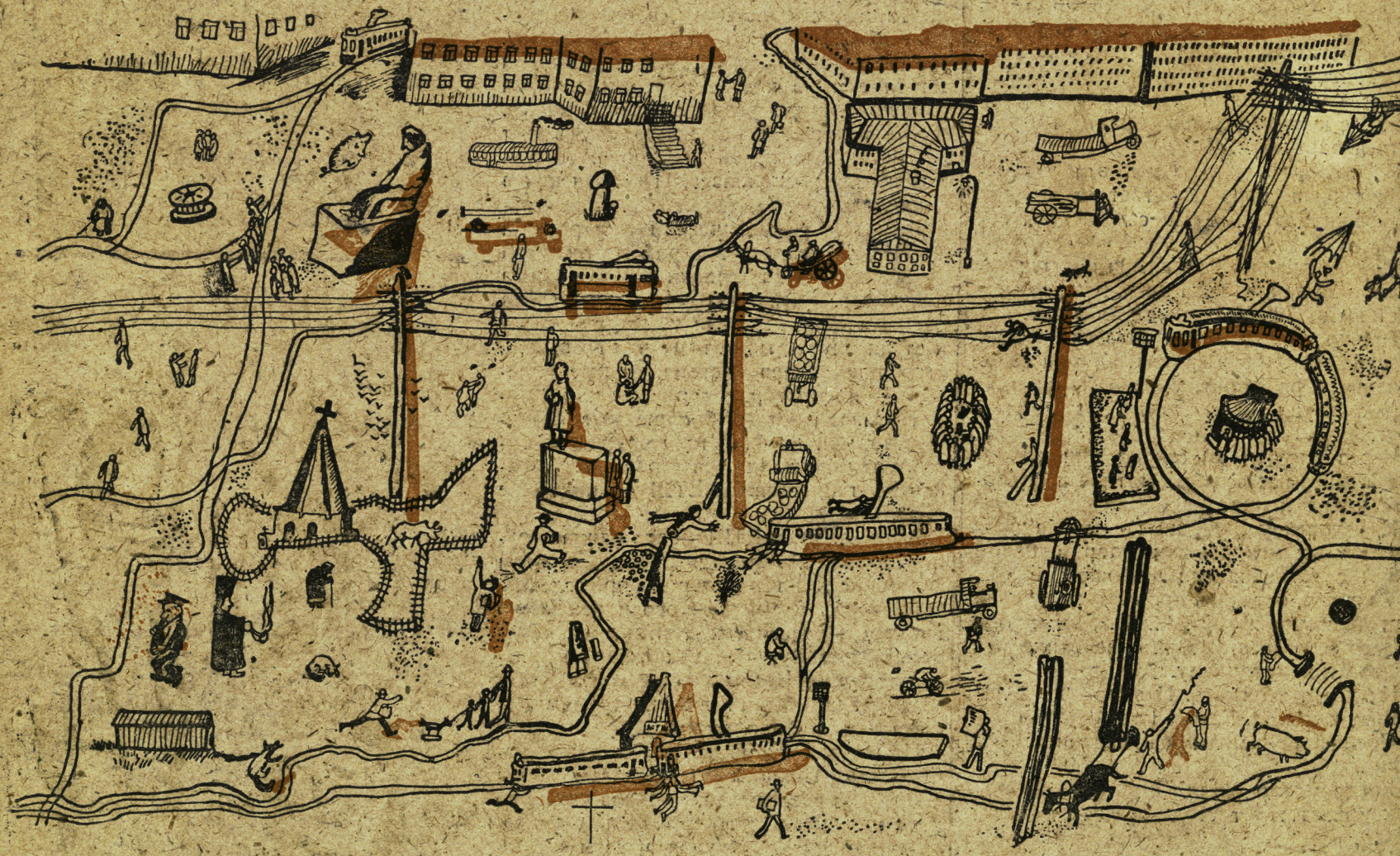
Книга кончается первым общественным советским предприятием школы, для которой стала ясна тайна ЕТШ.

Жаль только, что тираж книги мал, всего 25 тысяч экземпляров. Это очень и очень недостаточно. Необходимо второе издание.

27101

Клуб Сообразительных Ребят

Цена 20 коп.



КТО ВИНОВАТ В УЛИЧНЫХ НЕПОЛАДКАХ? Ответ в самом рисунке. Присмотритесь внимательно и очертите.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА", СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА"

Продолжается подписка на 1932 г.

ВЕСЬ ПИОНЕРСКИЙ И ШКОЛЬНЫЙ АКТИВ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦК МОП ВЛКСМ

ВОЖАК

«ВОЖАК» — боевое оружие в руках вожаков детских масс.

«ВОЖАК» — организует массы школьников на борьбу за политехническую школу, за всеобуч, за вовлечение всех пролетарских ребят в социалистическую стройку, за овладение знаниями.

«ВОЖАК» — лучший помощник вожатого звена, члена учкома, каждого ударника учебы, в школе и на общественной работе.

«ВОЖАК» — дает богатый материал для организации школьных перемен, проведения культурного досуга, работы затейников.

«ВОЖАК» — вооружает актив на борьбу с извращениями в строительстве новой школы, в проведении в жизнь новых школьных программ.

«ВОЖАК» — рассказывает о лучшем опыте военной, интернациональной, октябрятской, безбожной работы.

Техническая станция «ВОЖАКА» проводит в 1932 году ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ МЕХАНИКОВ.

Кроме того — постоянные страницы: РАДИОЛЮБИТЕЛЯ, ФОТОЛЮБИТЕЛЯ.

К работе в журнале привлечены высококвалифицированные журналисты, художники, инженеры, специалисты.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	— р. 20 к.
» 3 »	— р. 60 »
» 6 »	1 р. 20 »
» 12 »	2 р. 40 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, письмоносцами и пикетчиками «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ» в школах и отрядах.

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда", сектор „Комсомольская правда"

Сдан в набор 22/VI и подписан к печати 15/VII. Изд. № 694. 135.000 п. з. 1 бум. л. Отв. ред. Ел. Кубышева

Уполномоченный Главлита № В—30157. Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48. Зак. № 2122. Тираж 41.500